

Екатерина Риз

КРУГОВОРОТ ЧУЖИХ СТРАСТЕЙ

Екатерина Риз

Круговорот чужих страстей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514594
ISBN 9785447476823*

Аннотация

Что сделать молодой журналистке для того, чтобы обратить на себя внимание? Чтобы снять с себя клеймо «бедствия редакции»? Без сомнения, нужна сенсация. Настоящая, а не какая-нибудь выдуманная. Алёна Золотарёва тщетно такую отыскивала, но каждый раз ей не везло. Но неожиданно шанс представился. Вдруг выясняется, что один из фигурантов громкого дела прячется в заброшенной усадьбе царских времён. И Алёна едет искать усадьбу, собираясь встретиться с этим человеком. И будьте уверены, ей это удастся!

Содержание

1	5
2	36
3	79
4	118
5	141
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Круговорот чужих страстей

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2016

© Марина Рубцова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Золотарёва! Стоять

Алёна мысленно чертыхнулась, всё-таки надеялась, что сможет прошмыгнуть мимо начальника незаметно, бочком, пока он разговаривал с Димкой Огарёвым, и тот, судя по тоскливому выражению на лице, тоже получал втык. Но её осторожное перемещение по коридору всё же было замечено, и пришлось остановиться. Алёна на секунду замерла, продолжая стоять к главному редактору спиной, но затем повернулась и улыбнулась Петру Алексеевичу как ни в чём не бывало. С готовностью отрапортовала:

– Я здесь. Готова выполнить любое задание.

Огарёв за спиной редактора скроил насмешливую физиономию, а большим пальцем весьма выразительно провёл по своему горлу. Алёне очень хотелось кулаком ему погрозыть, но начальник в этот момент сверлил её подозрительным взглядом, впрочем, Рыбников никогда особо радужных надежд на её счёт не питал, поэтому смысла расстраиваться не было. Она переживёт, в который раз.

– Ты для начала предыдущее выполни, как надо.

Алёна остановила взгляд на его плече, чтобы в глаза не смотреть. Рискнула поспорить:

– Я уже выполнила. Как надо.

– Как надо? Ты называешь это – как надо?

Огарёв фыркнул за его спиной, и Пётр Алексеевич оглянулся на него, будто только вспомнил, что полминуты назад его распекал. Рукой махнул.

– Иди отсюда.

Димка за ухом почесал.

– Так мне ехать на этот митинг?

– Поезжай. Сними всё от и до. – Пётр Алексеевич на Алёну взглянул, прищурился. – Потом отдашь материал Золотарёвой, она напишет. Как надо напишет, а не как привыкла. Понятно, Золотарёва?

Тон был грозный, и можно было вздохнуть в расстройстве, но Алёна вместо этого нахмурилась.

– Какой ещё митинг?

– В поддержку депутата Беленького.

Вздох всё-таки вырвался.

– Ему не надоело? Дался ему этот торговый центр!

– Не твоё дело, Золотарёва, надоело ему или нет. Ты журналист, ты должна освещать. – Рыбников снова оглянулся за своё плечо, ещё раз махнул на Огарёва рукой, призывая, чтобы тот мгновенно испарился. И тот это сделал, а редактор вновь впился обвиняющим взглядом в лицо Алёны. – Ты понимаешь значение этого слова – освещать? Писать то, что есть, а не то, что тебе хочется. Иначе сиди дома и пиши роман! – К концу тирады его голос до предела возвысился и отозвался суровым эхом от высокого потолка коридора редакции.

Алёна хотя и хмурилась, но нос вздёрнула, выслушивая упрёки с каменным выражением лица. А Пётр Алексеевич тон поубавил, откашлялся и быстро огляделся по сторонам. А затем уже тише и проникновеннее продолжил:

– Вот что с тобой не так? Тебя просили написать про новый банк, а ты что написала? Алёна, у тебя какие-то проблемы? Ты скажи честно, я попытаюсь войти в твоё положение.

– Да всё со мной так, Пётр Алексеевич! – Алёна заговорила громким шёпотом, и тоже возмущённо. – Я всё написала, как есть. Если они мошенничают с кредитами, что с этим делать? Я всё узнала, у меня свидетели есть, Пётр Алексеевич, мы можем такой материал сделать!

Рыбников смотрел на неё с болью.

– Скажи, я с ума сошёл, когда тебя на работу взял? Моё неадекватное состояние было заметно?

– Пётр Алексеевич! Я же серьёзно!

– Я тоже серьёзно, Золотарёва! С твоими талантами откапывать криминал, надо было идти работать в прокуратуру, а не в журналистику. Оставь эти кредиты в покое, все твои свидетели и информаторы испарились, как только к ним обратились официально.

Алёна насупилась, возразить было нечего, и от расстройства она от начальника отвернулась. А тот смерил её многозначительным взглядом, сунул руку в карман брюк, повёл широкими плечами. Он вообще весь был высокий и широкий, довольно дородный мужчина с огромным самомнени-

ем, как о своём уме, так и о красоте и талантах. Сам себя искренне считал завидным экземпляром. И, наверное, поэтому к молодёжи, особенно к девушкам, относился немного снисходительно. И Алёна подозревала, что лично её воспринимает некой неугомонной дурочкой, которая пишет неплохо, но уж больно много от неё хлопот.

– В общем, пиши про митинг.

– Что писать? – угрюмо поинтересовалась Алёна.

– Вот это правильный вопрос, – вроде как порадовался Рыбников. – Тебе нужны точные установки. Напиши про Бельского, напиши про долгое строительство, выскажи две точки зрения. Только, Золотарёва, у тебя мнение нейтральное, ты Швейцария. Ты наблюдаешь, а не выносишь вердикты, как привыкла. Понятно? Огарёв тебе наснимает, людей спрашивает, а ты потом напишешь. – Он достал из кармана заверещавший мобильный, взглянул на экран, и тут же отвлёкся от Алёны, правда, напоследок добавил: – Позвони в приёмную мэра, может, скажут чего интересное.

– Я и так знаю, что они скажут, – пробормотала Алёна себе под нос, глядя в спину удаляющемуся начальнику. – Что за день? – мысленно пожаловалась она самой себе, и, наверное, от расстройства хлопнула дверью кабинета, в котором работала. Кабинет или нет, вопрос трудный, помимо её стола в комнату было втиснуто ещё три, и остаться в тишине и одиночестве было практически невозможно. Без конца звонили телефоны, шумел принтер, под потолком бубнил телевизор

на новостном канале, и это не считая бесконечного клацающего звука клавиатуры. У новичка голова шла кругом. Два года назад Алёна тоже была новичком, и голова у неё кружилась. Правда, не от шума, а от восторга. После института она ещё верила, что работа журналиста невероятно интересна. Она верила, что будет писать на острые темы, участвовать в журналистских расследованиях и несомненно внесёт серьёзный вклад во благо родного города. После двух лет работы эта уверенность подтаяла, причём довольно ощутимо. Это всерьёз удручало. Никаких серьёзных заданий Алёне не давали, а ко всем её изысканиям и расследованиям относились скептически. А если и позволяли написать на выбранную ею тему, то материал сильно урезали, выкидывали детали, которые Алёна считала безумно важными и раскрывающими суть проблемы, а их безжалостно вырезали.

– Что тебе Петро сказал? – спросила у неё Оксана Перевайко из-за стола по соседству. Оторвала взгляд от экрана компьютера, перестала печатать и взглянула на мрачную Алёну. Сама Оксана выглядела занятой и увлечённой. Хотя, ей было положено увлекаться, Оксана Перевайко вела в их газете рубрику о паранормальных явлениях, и для работы ей были необходимы вдохновение и хорошая фантазия. Потому что если в редакцию и звонили люди с историями о привидениях или инопланетянах, в большинстве своём, истории эти не выдерживали никакой критики. И Оксане приходилось по крупицам собирать материал, чтобы потом из огром-

ного количества разрозненных фактов, сочинить что-нибудь приемлемое. Но рубрика пользовалась успехом, если верить статистике сайта их газеты, редакторы Оксану часто хвалили, а Алёна всерьёз предлагала Перевайко сесть за написание мистического романа. К тому же, Оксана фанатела от «Сумерек», то есть, была в теме. У Алёны вот своей темы не было, и это было серьёзной проблемой.

Алёна на кресле своём крутнулась, посмотрела на жующую жвачку Оксану, нос сморщила.

– Сказал про Беленького писать.

– Опять? Он им платит, что ли?

– Да кто его знает? Вот кто мне скажет, как таких в депутаты выбирают?

– Так и выбирают, – слышалось из другого угла. – Пообещал людям стройку закрыть, вот за него район и проголосовал. Но заметь, – в направлении Алёны ткнули пальцем, – он обещанное выполняет.

– Как-то глупо выполняет. Сколько можно пикетом вокруг забора ходить? Серёж, вот скажи, о чём писать? А Петро ещё приказал в мэрию позвонить.

– Хочешь, я у тебя Беленького заберу? А ты про автостраховку напишешь. – Сергей Бурдовский вдруг рассмеялся. – Хотя, тебе нельзя, ты страховую компанию под статью подведёшь.

Алёна взяла с угла стола журнал с объявлениями и в Бурдовского им от души запустила. Он его налету поймал и сно-

ва рассмеялся, правда, тут же замолк, журнал швырнул на стул у стены, а девушкам кулак показал.

— Тихо, — сказал он и схватил пульт от телевизора, прибавил звук. — Про Кострова говорят.

Алёна тоже к телевизору повернулась. Про Андрея Константиновича Кострова говорили уже не первую неделю. С тех самых пор, как ему свезло погибнуть в автокатастрофе под Калининградом, по дороге в аэропорт. Без сомнения, судьба высокопоставленного столичного чиновника была интересна всем, тем более журналистам. К тому же, после его похорон вскрылись некоторые неприятные обстоятельства, которые грозили перерасти в полноценное судебное разбирательство, а перед этим в шумное расследование в целой промышленной сфере, за которую и отвечал последнее пять лет Костров. Но дело было не только в скандале, а в том, что карьеру свою Андрей Костров начинал именно в их городе. Родом был из этих мест, делал первые шаги, назначался на должности, с каждым разом всё более значимые, потом в депутаты избрался, и, наконец, уехал в Москву, продолжать работать. И вот его работа и жизнь закончились, а после грянул скандал. Заговорили о деньгах, о его деньгах, о домах и банковских счетах, гараже, полном дорогих автомобилей, и даже яхту обнаружили, правда, не в России, в Испании. Яхта, дом на берегу океана, апельсиновый сад и ещё парочка автомобилей, опять же безумно дорогих. Скандал разгорался, его обсуждали в Думе, обсуждали на серьёзных

каналах с экспертами, в ток-шоу разной направленности тоже обсуждали. Конечно, не сами деньги и квартиры Кострова, а в целом проблему коррупции в стране. На его примере.

Алёна времена работы Кострова в их городе не помнила, приехала позже, но за последние две недели собрала достаточно много информации. Даже не надеялась, что ей дадут разрешение писать о Кострове, с её любовью к изысканиям вряд ли доверят некролог написать, но не проявить интерес казалось неправильным. Если она не собирается до пенсии писать про автостраховку и выставки кошек, нужно быть всегда начеку и наготове. Чтобы в любой момент подхватить знамя. В данный момент в их издании, да и во всём их небольшом городе, знамя рупора гласности и справедливости нёс Тарас Артюхов. Он был вхож в приёмные администрации города, он писал на самые острые темы, брал интервью у отцов города и области и присутствовал на всех значимых мероприятиях, получал личные приглашения. Всем остальным доставалось по остаточному принципу. И спорить было бесполезно, и пытаться пролезть вперёд тоже. До пенсии Артюхову было далеко, недавно отметил сорокалетие, да и ждать Алёна не хотела. Она просто хотела получить единственный шанс. Чтобы ей доверили серьёзный материал. Не про депутата Беленького, который расхаживает по периметру стройки торгового центра с плакатом: «Врёшь – не возьмёшь!», а что-то актуальное. Например, про смерть Кострова. Как его работа, его деятельность в своё время от-

разилась на развитии области. Кстати, Алёне уже было, что сказать по этому поводу. Но кто её станет слушать? На планёрке неделю назад Алёна осторожно заикнулась об этой теме, так Рыбников так на неё глянул, с откровенным ужасом, и, кажется, тут же побледнел.

– Только попробуй, Золотарёва, – шикнул он на неё, а люди вокруг, не скрываясь, усмехнулись.

Конечно, не дать разрешение работать по этой теме, официально, Алёне могли, но запретить смотреть новости и продолжать анализировать происходящее, нет. И поэтому она с таким интересом слушала новости, да и Бурдовский от неё не отставал, ему тоже было интересно. А вот Оксана нет. Та вернулась к своей статье, пальцы бодро выбивали дробь по клавиатуре, а игрушечный серо-зелёный инопланетянин с непропорционально большой головой, прикреплённый к верху монитора, неожиданно этой самой головой затряс. Это Оксана начала мотать ногой под столом, видимо, вдохновение её не на шутку накрыло. А вот Алёна внимательно слушала диктора.

– Следственный Комитет инициировал срочную проверку деятельности Андрея Кострова, а также всех его личных активов и доходов. Следствие пытается установить факт хищения денежных средств со счетов госфонда, которым завел Костров-старший. Как уже удалось установить, большая часть имущества Костровых записана на сына покойного чиновника. Павел Костров был вызван в качестве свиде-

теля в Следственный Комитет, но как стало известно нашему каналу, на дачу показаний так и не явился. В данный момент его местонахождение неизвестно. Судя по всему, Павел Андреевич не горит желанием разговаривать со следователями. После похорон отца он всячески избегал общения, как с представителями власти, так и с журналистами. Как заявило следствие, он покинул Москву, но так как до выяснения всех обстоятельств каких-либо обвинений ему предъявлено не было, Павел Костров не заявлен в общероссийский розыск. Мы будем держать вас в курсе.

Диктор перешла к другим новостям, а Серёга звук убавил, развернулся в кресле в сторону Алёны, и они с минуту в молчании друг на друга смотрели. После чего она хмыкнула, весьма заинтересованно.

– Серёж, а что ты знаешь про Кострова-младшего?

Он подумал, после чего плечами пожал.

– Знаю, что он есть. Про него никто ничего не знает. Тёмная лошадка.

– Личность он тёмная, а не лошадка, – сказала Оксана, выдув пузырь из жвачки.

Алёна на неё посмотрела.

– С чего ты взяла?

– Знаю. У меня тётка раньше работала в Белом доме, в буфете. Ну, и рассказывала.

– Про Кострова-младшего?

– Про всех. Но про него я точно помню. Он к отцу на ра-

боту редко захаживал, но если уж приходил, это превращалось в неделю сплетен.

Алёна усмехнулась.

– Он дурачок?

– Если бы. С компанией плохой связался, и вёл себя соответственно. Отец жутко его стеснялся. А потом он пропал, Павел, то есть. И говорили, что его посадили. А отец даже пальцем не пошевелил, чтобы сыночку помочь.

– Точно знаешь?

– Что?

– Что посадили?

Оксана потёрла нос, призадумалась. Затем головой мотнула.

– Нет. Кто мне доложит? Слухи это, Алён. Слухи. К тому же, Костров-старший вскоре в Москву уехал, и что уж там с его сыночком было... – Она руками развела. – Но раз тот в Москве с ним оказался, значит, они помирились. Или как там бывает у богатых?

Как бывает у богатых, Алёна не знала. Но повод обдумать новую информацию появился. Она на спинку кресла откинулась, сложила руки на груди и пустым взглядом уставилась на тёмный экран своего компьютера. Прошло минуты две, а Серёга громко и весомо хмыкнул.

– Золотко, ты о чём призадумалась, красавица?

Перебор с комплиментами ничуть не смутил, потому что тон Бурдовского был пропитан желчью. Алёна даже головы

в его сторону не повернула, лишь в задумчивости проговорила:

– Может, мне в Москву податься? Там такие интересные вещи происходят. А у нас Беленький с плакатом...

Серёга почесал заросший подбородок.

– Что-то мне подсказывает, Алёна, что ты и там будешь писать про кредиты и сумасшедших митингующих. Это судьба.

– Врёшь ты всё. Не может такого быть.

– А ты проверь.

Оксана перестала печатать, на Алёну взглянула с подозрением.

– Ты хочешь уехать в Москву? Ты мне не говорила.

– А сейчас говорю. – Алёна поднялась, одёрнула лёгкий пиджачок. – Меня здесь не ценят.

– Меня тоже, – вздохнул Бурдовский. – Судя, по зарплате.

В коридоре едва не столкнулась с Артюховым. Точнее, Алёна вовремя отскочила в сторону, а Тарас даже взглядом её не удостоил. Прошествовал мимо, разговаривая по телефону, и вид при этом имел занятой-занятой. Не боясь быть замеченной, остановилась и посмотрела своему сопернику вслед. Тарас был мужчиной привлекательным, к чему отнекиваться? Рыбников был лишь лет на пять его старше, но Пётр Алексеевич, при всей своей фактуре, на свой возраст как раз и выглядел, а вот Тарас поневоле привлекал к себе женские взгляды. Высокий, подтянутый, смуглый брюнет

с серыми глазами, многие женщины в редакции ему вслед откровенно вздыхали. Но Алёна не слышала, чтобы он хоть раз завёл роман с кем-то из сотрудниц. А счастье пытали многие, даже те, которые считались красавицами (кстати, на одной такой красавице, у которой обломалось с Артюховым, пару лет назад женился Рыбников, это было поводом для разговоров, даже для братьев-журналистов). Но Тарас был скалой, неприступной и сокрушительной. Признаться, Алёна в своё время, как только устроилась на работу, тоже подпала под его необъяснимое обаяние. Он мимо проходил, даже не замечая, а у девушек сердце замирало, и ноги ватными становились. Алёна это пережила, её лёгкая влюблённость прошла ровно в тот момент, в который она поняла, что начинает воспринимать Артюхова, как соперника, а не как объект своих мечтаний. Перед ним даже Рыбников порой пасовал. Потому что Рыбников не согласовывал материалы Артюхова, это делал кто-то более влиятельный. Петру Алексеичу по большому счёту оставалось только соглашаться и улыбаться. А вот её работу главный редактор безжалостно критиковал, Алёна считала, что несправедливо, и поэтому обижалась. Правда, никогда этого в открытую не показывала. Но каждая её статья, что появлялась в урезанном виде, воспринималась пинком или подзатыльником. А всё, что писал Тарас Артюхов выходило на первой полосе. Даже если он писал про дурацкую автостраховку.

В буфете обсуждали Кострова. Алёна пила чай, ела бул-

ку с изюмом и вполуха прислушивалась к разговору за соседним столом. Ничего нового или неожиданного не слышала, но всё равно прислушивалась. Журналисты вообще любят поговорить, некоторые после этого ещё и пишут. Но далеко не всегда про то, что их на самом деле интересует. Вот и эти двое сейчас за тарелкой борща поговорят про власть имущих, про их жизнь и достаток, после чего разойдутся по своим кабинетам, чтобы написать про тарифы ЖКХ и ремонт дороги у ближайшего супермаркета. Как-то всё это было грустно, и даже в их городе-миллионнике всё больше смахивало на болото.

– Тебе надо развлечься, – авторитетно заявил Серёга в конце рабочего дня. Сам он развлекаться любил, парнем был лёгким на подъём и ничем не связанным, в том смысле, что неженатым. А в данный момент и девушки не имел, насколько Алёне было известно. Именно из-за этого факта, предложение Бурдовского вызвало лёгкую настороженность. Алёна на него взглянула, а Сергей нахально ей улыбнулся. Улыбка у него была ничего, но сам по себе парнем он был необязательным, а этого в мужчинах Алёна никак не приветствовала. Настолько, что если вдуматься и хорошенько проанализировать все отношения и романы, что случались в её жизни, это было основной причиной расставания. Молодые люди ей попадались все, как на грех, несерьёзные, и это неминуемо вело к расставанию. А Серёга Бурдовский ей всё-таки нравился, с ним было приятно дружить и рабо-

тать, и портить всё не хотелось. Поэтому Алёна решила проигнорировать его тон и зазывный взгляд, и лишь неопределённо пожала плечами.

– Может быть.

– Давай в клуб сходим? В «Небо» сегодня ди-джей из Москвы приезжает.

– А кто ещё пойдёт?

Бурдовский намёк уловил, немного сник, посмотрел на Оксану, которая раскачивалась на своём кресле в такт музыке, что звучала у неё в наушниках.

– Пригласи кого-нибудь.

Если честно, то отвлекаться в большой компании не слишком хотелось. Поэтому Алёна позвала присоединиться к ним Оксану, и ещё пару человек, что им встреч в коридоре попались. Да и её желания и приглашения вскоре забылись, Бурдовский переключился на приятелей, и Алёна с облегчением отошла в тень. Шла по улице, улыбалась шуткам, старалась не отставать и всеми силами демонстрировала намерение повеселиться. А сама раздумывала о своём. Сначала о Кострове и о том, как всё снова несправедливо, наверняка, весь материал и лавры захапает Артюхов, а потом её мысли незаметно переключились на кое-что более актуальное, на собственную жизнь. Подумалось о том, что быть взрослой и самостоятельной всё-таки здорово, и жить одной здорово, самой за себя отвечать, правда, иногда немного тоскливо. До недавнего времени Алёна жила с тёткой, род-

ной сестрой отца, тётка терпеть не могла, когда Алёна даже случайно и вскользь называла её именно так – «тётя». И Алёна прекрасно понимала почему, потому что сама Дуся никакой тёткой не была. Она была молодой, красивой женщиной сорока трёх лет, безумно живой и деятельной. Владела парой цветочных магазинов, и сама была похожа на яркий пион или тюльпан (это зависело от её настроения и цвета волос, перекрашивалась она тоже под настроение и состояние души, то есть активную фазу влюблённости). И ничего удивительного, что год назад Дуся вышла замуж, решив, что нашла, наконец, свой идеал, с чем Алёна была склонна согласиться, и переехала в соседний областной центр, оставив племянницу одну в трёхкомнатной квартире, вести самостоятельную взрослую жизнь. До этого Алёна никогда не жила одна, и перспектива её вначале вдохновила, но после немного напугала. Вспомнилось детство, как она в шестнадцать лет переехала от родителей, из их дома в деревне в город к тёте, и довольно долго привыкала к новому образу жизни. После маленькой деревни, город казался огромным, непонятным и невероятно суетливым. Дуся её опекала, водила в школу едва ли не за руку, потом они, можно сказать, что обе поступали в институт, зубрили вместе, у Алёны именно такое впечатление складывалось, она лишь на экзамены одна являлась, и, трясясь, вместе ждали результатов. Тётку Алёна обожала, и поэтому искренне радовалась за неё, когда Дуся замуж собралась. Отпускать её в соседний город было груст-

но, но показывать этого было нельзя. И Алёна бодро улыбалась, и заверяла, что с ней точно всё будет в порядке. Она взрослая, она смелая, самостоятельности у Дуси нахваталась с лихвой, поэтому ничего с ней не случится. И да, она клянётся, что будет бдительна и с дураками связываться не станет. Будет искать копию её Олежки, доброго и ответственного.

С копией Олежки пока не везло, как Алёна ни присматривалась и ни выискивала свой идеал, но к самостоятельной жизни привыкла, и даже начала её ценить. Вот, например, сейчас. Лето, вечер, она идёт с друзьями по улице, они разговаривают и смеются, а впереди вечер в клубе. Они будут танцевать и веселиться, и никто не будет названивать ей и говорить, что переживает и пора бы ей домой. В такие моменты, осознавая всё это, ты чувствуешь себя взрослой. И лишь самую капельку никому не нужной. Но об этом думать не принято. Большинство живёт так, а кто не живёт, к этому стремится. Разве нет?

Перед входом в ночной клуб, Бурдовский приобнял её за плечи, ненавязчиво, по-дружески, наклонился к Алёне и негромко спросил:

– С тобой всё в порядке?

Она приказала себе встряхнуться и улыбнулась ему.

– Да. Я плохо выгляжу?

– Выглядишь ты отлично. Но молчишь, это странно.

– Думаю.

– О Беленьком? Плюнь.

– Плюну, – согласилась она и прибавила шаг, чтобы догнать Оксану, которая на них обернулась.

Перед дверями клуба толпились люди. Алёна остановилась в некотором замешательстве, Оксана Перевайко рядом хохотнула, и все посмотрели на Бурдовского. Тот, после секундной заминки, заверил, что всё уладит, и направился к охране. Алёне на самом деле стало любопытно, как он проблеме решать станет. А Оксана негромко спросила:

– Тебе Серёга нравится?

Алёна глянула на неё в удивлении. Конечно, всё поняла и намёк уловила, но предпочла сделать вид, что всерьёз удивлена.

– Конечно, нравится. Он хороший парень.

Перевайко откровенно скривилась.

– Ты поняла, о чём я.

– Я поняла, – согласилась Алёна, не скрывая налёта сарказма. – Но это здесь не при чём.

– А он к тебе клеится.

– Подумаешь. Он периодически ко мне клеится, когда у него пауза между подружками.

Оксана вздохнула.

– А ко мне нет.

Алёна усмехнулась.

– А ты возьми инициативу в свои руки. Удиви его.

– Ага, удиви, – проговорила Перевайко в лёгком расстрой-

стве.

– Ну что? – спросили у них из-за спины, когда Серёга вернулся. Вид он имел недовольный.

– Кажется, облом. Говорят, там всё забито.

– Приехали. Отдохнули.

Признаться, Алёна расстроилась не так сильно, как остальные. Аккуратно отступила в сторонку, когда другие собрались в круг, чтобы решить, что предпринять дальше. Уже подумывала, как бы улизнуть домой, и уже почти решилась это произнести вслух, как сделав ещё шаг в сторону, налетела на кого-то. Охнула, негромко извинилась, повернулась и, к своему огромному удивлению, увидела перед собой ни кого-то, а Тараса Артюхова. Вот ведь свезло.

– Извините.

– Девушка, не извиняйтесь. Если продолжать пятиться, вы ещё на кого-нибудь натолкнётесь. Оставьте извинения для них.

Он вновь был насмешлив, чуть пренебрежителен, но странным образом ему это шло. Холодность проясняла его взгляд. Однажды, на новогоднем корпоративе, Алёна видела Артюхова пьяным. Хотя, скорее, подвыпившим. Он был весел, улыбчив и с помутневшим от алкоголя взглядом, и в том состоянии, больше похожем на человеческие эмоции, он ей совсем не понравился, весь его лоск и важность стёрлись. А вот сейчас, даже когда он откровенно насмешничал и хамил, его глаза смотрели въедливо и проникновенно.

но. И именно по этому взгляду и выражению лёгкой отчуждённости на лице, и вздыхали женщины их редакции, от ма-
ла до велика.

Но увидеть Тараса Артюхова здесь, у дверей ночного клуба, показалось Алёне странным. Хотя, эта обстановка, точнее, сама ночная жизнь и тусовка, ему отлично подходила, не смотря на сорокалетний возраст. Тарас не выглядел на свои года, это точно. Алёна прекрасно помнила своего отца в сорок лет, тот даже близко так не выглядел. Хотя, что сравнивать? Две совершенно разные судьбы.

Но почему-то в этот раз Алёна промолчать не смогла. Артюхов уже повернулся к ней спиной, она смотрела на его широкие плечи под кожей пиджака, кинула взгляд на его спутников, и достаточно громко сказала:

– Меня зовут Алёна. Ещё утром мы рядом на планёрке сидели.

Артюхов обернулся, впился взглядом в её лицо. Затем посмотрел на затихшую компанию молодых журналистов, затем снова на Алёну. И вдруг ухмыльнулся.

– И, правда. Я тебя узнал. – Он даже пальцами щёлкнул, подгоняя свою память. – Банк «Универсал-Кредит». Алёна...

– Золотарёва, – подсказали со стороны, и Алёна кинула в ту сторону возмущённый взгляд. А Тарас рассмеялся, оглянулся на своих спутников.

– Кажется, у нас весёлый вечер намечается.

– Журналистская тусовка? Я фигею, как весело.

Алёна посмотрела на мужчин, что пришли с Тарасом, оба выглядели моложе, чем тот, оба одеты весьма прилично, один даже в костюме, правда, без галстука. Выглядели скучающими и чуть недовольными. Зато с ними компанию молодых журналистов пустили в клуб беспрепятственно. И Алёна, которая ещё несколько минут назад мечтала незаметно улизнуть, послушно вошла внутрь, прислушалась к бешеному ритму музыки, который не могли удержать стены здания, пусть и со звукоизоляцией. Правда, присесть за столик им никто не предложил. Тарас махнул рукой в сторону бара, а сам со своими приятелями направился в зал. Этому никто не удивился, включая Алёну, правда, Артюхов оглянулся на неё, окинул оценивающим взглядом, который она, как ей самой показалось, с достоинством выдержала. Глаз не отвела и даже подбородок вздёрнула, чем заслужила очередную усмешку.

– Пойдём танцевать, пойдём.

Её потянули на танцплощадку, но настроения веселиться уже не было. Ей отчего-то хотелось быть поближе к Тарасу. Но что делать, если за столик её не пригласили? А так хотелось узнать... Послушать его, вне редакции, как он общается и что говорит. О чём думает. И расспросить о том, как он пишет и как подбирает темы. Ведь он их сам выбирает, Алёна это доподлинно знала.

– А кто пришёл с Тарасом? – прокричала она на ухо Бур-

довскому, но тот лишь безразлично пожал плечами.

Алёна высматривала Артюхова довольно долго. И это было очень трудно, приходилось подпрыгивать и вытягивать шею, чтобы разглядеть их столик над головами танцующих и беснующихся людей. Хорошо, что вокруг все скакали и крутили головами, и её манёвры были не заметны и не удивительны. Но, в конце концов, она увидела, как Тарас из-за стола поднялся, ему явно кто-то звонил, он не спускал глаз с экрана телефона, и торопливо направился к выходу из зала. Алёна сомневалась всего секунду, на большее времени не было, необходимо было принять решение, и она его приняла. Приняла и тоже рванула к выходу. Понятия не имела, что будет делать дальше, но упустить возможность зацепиться и узнать о недостижимом Тарасе Артюхове хоть на йоту больше, чем все остальные, было бы жаль. И поэтому пригладила растрепавшиеся волосы, заправила выющиеся пряди за уши, по щекам себя похлопала, пытаясь отдышаться, и из зала вышла. Остановилась в коридорчике, народа здесь было немного, но Тараса среди них не было. Алёна головой покрутила, высматривая его, немного постояла у стеночки, потом прогулочным шагом дошла до холла. Тарас сидел в низком кресле у стены, к ней спиной, и говорил по телефону. Вокруг шумели, но охранник цыкнул на молодёжь, и стало тише. А Алёна осторожно приблизилась и снова привалилась спиной к стене, разглядывая Артюхова и раздумывая, что дальше делать. Или не делать, вернуться в зал и выбро-

сидеть глупые мысли подружиться с неприступным Тарасом из головы.

– Егорыч, ты ведь можешь. Не ври, что не знаешь, – говорил тем временем кому-то Артюхов. И голос у него в этот момент был точь-в-точь, как при разговоре с Рыбниковым, когда тот пытался в чём-то Тарасу отказать или противостоять. – Если он свалил из Москвы, мог и к нам податься. Да причём здесь заграница? Туда бы он не уехал, ты знаешь. Его бы не выпустили.

Алёна от стены отлепилась, и вся превратилась в слух.

– И что, что не в розыске? Он главный свидетель обвинения. Егорыч, ты ведь скажешь мне, если он тебе позвонит? Перестань, к кому ему здесь обратиться, как не к тебе, дружку-соратнику? Мне? Мне работу делать надо, на самого Пашку я чихал. Пусть сам крутится... А хотя бы и в Москву, – он хохотнул, – думаешь, не позовут?

Артюхов в кресле выпрямился, а Алёна, поддавшись порыву, метнулась обратно за угол и там остановилась. И снова дыхание переводила, будто только что из танцзала, где прыгала и отплясывала. И щёки загорелись ненормальным румянцем, приложила к ним ладони и поняла, что руки ледяные.

– А ты чего здесь стоишь?

Артюхов завернул за угол, и сразу увидел её. Остановился в шаге и вновь принялся её разглядывать. Алёне понадобилась вся её выдержка, чтобы встретить его взгляд и улыб-

нуться.

– Отдыхаю.

Тарас коснулся её плеча.

– Пойдём, выпьем чего-нибудь. Ты мартини любишь?

Алёна кивнула в лёгкой прострации. Сейчас она готова была согласиться на всё, что угодно, лишь бы задержаться рядом с Тарасом хоть ненадолго. А чтобы это произошло, нужно было убрать из глаз неконтролируемое любопытство, навесить на лицо улыбку поглупее и соглашаться на всё – на всё.

– Значит, ты Алёна.

Её улыбка стала шире, пришлось откинуть голову назад, чтобы Тарас смог смотреть ей в глаза. Они шли через зал, лавировали между танцующими, рука Тараса так и лежала на её плече, и вроде обосновалась там. Артюхов же продолжал Алёну разглядывать, даже её тёмных выющихся волос коснулся, как бы играючи, и если бы не достойная причина, Алёна бы всё это пресекла. Кажется, Тарас позабыл своё правило не связываться с коллегами, или оно действовало только тогда, когда он находился непосредственно в редакции? А может, его опьянило предстоящее расследование? Ведь как выясняется, он знаком с Костровым-младшим.

Ну, почему, почему Артюхову так везёт?! Он даже Павла Кострова лично знает, даже если ему на него, как на человека, и чихать?

– Что Егорыч сказал? – спросил приятель Тараса, тот, что

в костюме, заметил Алёну и протянул: – О-о. У нас компания?

– Это у меня компания, – оборвал его Тарас, – себе свою ищите сами. А это Алёна. Садись, солнышко. – Ну, вот, она уже солнышко. Алёна присела рядом с ним на низкий диванчик и старательно улыбнулась. Стерпела, когда Тарас снова её за плечи обнял. – Алёна у нас тоже журналист. Да? – И после этих слов он улыбнулся ей сладко-сладко. Наверное, из его уст «журналист» было лучшим комплиментом, который он ей вообще сделать мог. Наверное, уверен, что она кропает маленькие статейки про городскую моду и выставки мёда в Экспоцентрах. А как только получила задание про банковскую деятельность, так и налетела на выговор от начальства. Но Алёна и это стерпела, сжала руку в кулак и упёрлась им в мягкую обивку дивана, а мужчинам ещё разок улыбнулась, чтобы уж наверняка. Дуся всегда говорит, что её улыбка – это настоящее оружие против мужчин. Она улыбается, и они чуть-чуть дуреют. Алёна и сама это подмечала не раз, правда, не понимала, отчего такой эффект. Она сама себя красавицей не считала, видимо, дело на самом деле в улыбке.

Для поддержания эффекта чуть обиженно сказала:

– Я уже два года работаю.

– Вот, она уже работает два года.

Мужчины понимающе усмехнулись и потянулись за своими бокалами с виски. Через пару минут Алёне принесли

бокал с мартини, она смело сделала первый глоток, чтобы за столом это заметили, и придвинулась чуть ближе к Тарасу, повинувшись его руке. Кстати, от него потрясающе пахло. Что за одеколон – неизвестно, но запах свежий и дорогой. Наверное, именно так пахнет достаток. Надо запомнить.

При ней мужчины важные разговоры заводить не торопились, болтали о том о сём, Алёна даже осознала, что больше отвлекается на руку Артюхова, которая гладит её то по плечу, то по спине. Это немного сбивало с мысли. Не сказать, что ей было неприятно, но больше будоражило предчувствие чего-то важного впереди, а не мужские ласки. К тому же, ей на глаза попался Бурдовский, который тарасился на неё издалека, а после и кулаком погрозил. Алёна осторожно показала ему кулак в ответ и поторопилась отвернуться. И, наконец, дождалась. У Тараса спросили:

– Так что Егорыч сказал?

Имя этого самого «Егорыча» Алёна слышала в телефонном разговоре, запомнила его, и теперь затаила дыхание, старательно глядя куда-то в сторону.

Артюхов помолчал, отпил из бокала, потом на Алёну посмотрел. Та как раз махала рукой Оксане Перевайко и счастливо улыбалась. Тарас тоже улыбнулся, но скорее каким-то своим мыслям, и негромко проговорил:

– Говорит, не знает, не видел, вообще, не в курсе происходящего.

– Правильно, кто ему доложит?

– Да ладно, Пашка его за друга держит.

– А тебя за кого?

– Боюсь подумать.

Мужчины рассмеялись, а Алёна как-то не вовремя повернула голову, и наткнулась взглядом на внимательные глаза Артюхова. Пришлось снова растягивать губы в улыбке.

– О ком вы говорите? – намеренно спросила она.

– О работе. Может, расскажешь нам о своей?

Алёна нос сморщила.

– Рыбников меня ненавидит.

– Такую милую девочку? – переспросил «костюм».

– Для него я не милая девочка, для него я сотрудник. И он меня реально ненавидит. Он свалил на меня Беленького.

– О-о. – За столом переглянулись и тут же засмеялись. А Алёна подумала, подумала, да и схватила Артюхова за руку.

– Тарас, поговори с ним.

Тот смешно вытаращил глаза, по всей видимости, наслаждаясь происходящим.

– О чём?

– Чтобы он прекратил надо мной издеваться. Я же всё-таки журналист, а не писатель-фантаст. Что мне про Беленького писать?

– Беленький не такой уж мифический персонаж. Вполне себе реальный мужик.

– С говнецом, правда.

– Дим, у него принципы.

– И я про то.

Алёна с живым интересом на мужчину посмотрела.

– А вы где работаете? Может, мне у вас интервью взять?

Над ней откровенно потешались.

– Может быть. Я люблю интервью давать. Особенно таким красивым журналисткам.

– Тарас, у вас все такие в редакции?

– Если бы. – Он на Алёну посмотрел. – Сам удивлён.

Все мужики – козлы. Особенно, при деньгах и власти.

Алёна взяла бокал с мартини и подалась назад, откинувшись на спинку дивана. Улыбаться надоело, а ничего толкового так и не узнала. Всё-таки незавидна роль современного журналиста. Ради крохи сведений чего только терпеть не приходится.

– Так что думаешь делать?

– В Марьяново съездить хочу. Если он у нас прячется, то только там. – Всё это Артюхов произнёс негромко, придвинувшись к приятелям и, наверняка, думал, что Алёна его из-за музыки не слышит. А она слышала, и название узнала. Именно в Марьяново родился Андрей Константинович Костров, это Алёна помнила совершенно точно. Ещё и потому, что многие говорили, что после своего отъезда в Москву, Костров решил восстановить справедливость, и выкупил усадьбу своих предков, пришедшую в полный упадок, и за последние годы вкладывал в её восстановление и реставрацию до-

ма безумные деньги. Видимо, готовился встретить старость именно там, на родной земле, да так и не успел. Но планировал, мечтал, и очень любил говорить о своих дворянских корнях

И как она сама об этом не подумала? Отличное место для того, чтобы спрятаться. Частная собственность, больше ста километров от города. Наверняка, территория охраняется, чужих не подпустят, но чем чёрт не шутит, правда? Если она хотя бы установит, что Костров-младший прячется там... она расскажет об этом всей стране! Первая узнает, раскроет, установит...

На месте уже не сиделось. Алёна принялась ёрзать, кидать на Артюхова томительные взгляды, но он воспринял это по своему, к тому же, к этому моменту немного захмелел, и поэтому когда они за столом ненадолго остались одни, сразу к ней придвинулся. Алёна собиралась сказать ему, что уходит домой, наплела бы что-нибудь, но он даже слушать не стал, придвинулся, сжал пальцами её подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. И снова разглядывал, изучал взглядом её лицо.

– А ты красивая.

– Спасибо. – Прежнего фальшивого восторга уже не получалось выдавать, и поэтому её голос прозвучал вполне серьёзно и сдержанно.

– Сколько, ты говоришь, работаешь?

– Два года.

– Местный институт заканчивала?

Алёна кивнула и попросила:

– Отпусти, мне больно.

Пальцы он разжал, но не отодвинулся ни на сантиметр. Алёна смотрела в его лицо, в ясные глаза, видела каждую морщинку вокруг его глаз, чувствовала островатый запах одеколона, да ещё Тарас так смотрел на неё, проникновенно. Он так умел, это она знала.

– Как-то я тебя не замечал.

– Конечно, – сделала Алёна попытку пошутить, – когда тебе. Ты такой деловой приезжаешь, ни на кого глазами не глядишь.

Он невольно улыбнулся.

– Правда? Я произвожу такое впечатление?

– Не думаю, что это просто впечатление.

– А что ты думаешь?

– Что ты на самом деле такой. Не замечаешь никого, кто тебе не важен.

Он вздохнул напоказ.

– Наверное, ты права. Я плохой человек?

Она всё же засмотрелась в его глаза, и сердце вдруг сделало кульбит. Так, надо отодвинуться от него.

– Куда важнее, что ты хороший журналист, – проговорила она, пытаясь увернуться от его взгляда. Это было сделать не так просто, а когда у неё почти получилось, Тарас снова дотронулся до её подбородка, наклонился к ней ближе, за-

глядывая в глаза, а потом поцеловал. Так запросто, будто делал это в тысячный раз. Прижался губами к губам Алёны, и только когда она инстинктивно шарахнулась от него назад, удивлённо вздёрнул брови.

– В чём дело?

Пришлось кашлянуть, чтобы вернуть себе возможность говорить. Головой суетливо качнула.

– Ни в чём. Просто... – Она тщетно искала слова для оправдания, не нашла их, и тогда, поддавшись порыву, сама обняла его за шею и крепко поцеловала в губы. И тут же вскочила. – Мне пора идти. Ты ведь мне позвонишь? Завтра.

Артюхов выглядел ошарашенным. И даже щуриться начал, видимо, решив, что у неё не всё в порядке с головой. Но в данный момент это уже было не столь важно. Алёна ослепительно ему улыбнулась на прощание, потрепала его по волосам, как спаниеля, схватила свою сумочку и кинулась прочь.

– Золотарёва, ты чего творишь? – выдохнул ей в лицо полупьяный, ухмыляющийся Бурдовский, который, без сомнения, наблюдал всю эту сцену с поцелуями.

– Замуж хочу, – поведала ему Алёна, и пока Серёга собирался с мыслями, махнула ему рукой и заторопилась к выходу.

На улице начался дождь. Не сильный, но и летним тёплым дождиком его назвать было нельзя. Поднялся неприятный ветер, Алёна зябко поёжилась в лёгком пиджачке, оглянулась на двери клуба, а потом быстрым шагом направилась к автобусной остановке, радуясь, что та за углом. Да и сам автобус не подвёл, подъехал почти тут же, Алёна заскочила на заднюю площадку, села на сидение и стряхнула с волос капли дождя. И почти тут же достала из сумки смартфон. Необходимо было выяснить, где именно это Марьяново находится. О ста с лишним километрах она ранее из какой-то статьи выяснила, а вот в какую сторону эти сто километров – понятия не имела.

До дома добралась изрядно вымокнув. Дождь останавливаться не собирался, только силу набирал, и в квартиру Алёна вошла, напоминая мокрую курицу и стуча зубами от холода. Скинула сырую одежду и первым делом приняла горячий душ. Телу стало хорошо, а вот голова работала, как часы, и это не смотря на то, что за окном практически полночь. Не давало покоя обещание Артюхова завтра отправиться в Марьяново. С его везением, после него там делать будет нечего. То есть, нужно ехать сегодня? Абсолютная авантюра. Темно, сыро, а она даже не знает, куда ехать. Но на то она и журналист. Ради правды должна быть готова к испытанию.

ям, разве нет?

После душа почувствовала себя куда лучше. Вскипятила чайник, достала из буфета пачку печенья, больше в доме ничего съестного не было, и Дуся, наверняка, ужаснулась бы, но по магазинам ходить было некогда. Вот и жила неделю на пачке печенья, кофе и столовских обедах. Вспомнив о столовой, зверски захотелось котлету, горячую, с хрустящей корочкой. Пришлось даже зажмуриться от столь острого и одуряющего желания. Добавила в чай лишнюю ложку сахара, откусила печенье и прямо босая сходила в тёткину комнату и отыскала на книжной полке атлас дорог их области. Вернулась на кухню и разложила на столе карты. Прежде чем отыскала Марьяново, пришлось постараться. Деревня оказалась практически на границе области, на берегу реки, и название затерялось между разноцветными чёрточками и значками. Но оттого, что название на карте отыскалось, легче совсем не стало, Алёна несколько раз поворачивала карту то так, то эдак, не зная, с какой ей стороны придётся ехать. Да уж, карты – это не её стихия. Как же не хватает Дуси и её самостоятельности! Тётка, вообще, замечательно водила машину и была бесстрашная до чёртиков. Они с Алёной не раз и не два уезжали на юг, собравшись просто за час. Кидали сумки с вещами на заднее сидение её старенького «шевроле» и отчаливали к морю. Это были замечательные поездки, ничего лучшего в жизни Алёны не было, это точно. Они, вообще, любили именно наш юг. Чтобы добираться на машине

самим, останавливаясь по пути в маленьких городках, гуляя, жуя бублики и пироги, запивая всё это холодным чаем и разглядывая местные достопримечательности. Дуся абсолютно не боялась дороги, и Алёну этому старалась научить, правда, у той с бесстрашием были небольшие проблемы, и порой страх приходилось преодолевать. Не бояться и не думать о последствиях не получалось. Вот и сейчас, даже когда дело касается её работы, можно сказать, что карьеры, она сидит на кухне, поджав под себя одну ногу, пьёт чай, жуёт печенье и сомневается. Когда сомнения начали стремительно разрастаться, а голос разума отчётливо сказал: «Ты сдурела? Ночь, дождь! Куда ты собралась?!», Алёна решительно подумала о том, что Тарас Артюхов точно сомневаться не будет. И пусть у него фантастический одеколон, и целуется он, кажется, совсем неплохо, это совсем не повод отдавать ему сенсационный материал.

Подумаешь, какие-то сто километров. Она приедет, покружит вокруг дома, и если заметит свет в окнах – это будет явным признаком того, что хозяева прибыли. И тогда уже будет принимать решение. А если там темно, то и вовсе, развернётся и поедет прочь. Домой, спать. Между прочим, к девяти утра на работу.

«Шевроле», который тётка ей также оставила, стоял в гараже неподалеку. За домом был ряд старых «ракушек», вот там автомобиль и спал спокойно, под шум усиливающегося дождя, и совсем не ожидал такой подлости от судьбы, как

появление новой хозяйки среди ночи. Двигатель даже пофырчал возмущённо, прежде чем завестись в полную силу, а Алёна погладила машинку по рулю.

– Мы совершим подвиг. Это требует усилий.

На выезде из города завернула на заправку, а заодно купила себе в кафе пару самодельных бургеров и коробку сока. Настроение сразу улучшилось, и из города Алёна выезжала, жуя и напевая под нос знакомую песню, что лилась из динамиков. Даже дождь больше не пугал и не навевал тоску. На соседнем сидении была разложена карта, и Алёна редко, но поглядывала на неё, клятвенно пообещав себе со следующей зарплаты купить навигатор в машину. У Тараса наверняка есть навигатор. И видеорегистратор. У него точно всё есть. Он готов к любым приключениям. Может, поэтому он и стал отличным журналистом, потому что он в любой момент готов сорваться с места в погоне за сенсацией? Не зря же про их профессию говорят, что волка ноги кормят. Вот и ей хватит на месте сидеть и чуда ждать. Два года сидела и ничего не дождалась. Вот Рыбников удивится, если она завтра расскажет ему, где Костров-младший прячется. Его вся милиция Москвы и области ищет, а он в Марьяново, в доме отца.

До указателя на Марьяново добралась только часа через полтора. На трассе машины ещё попадались, не смотря на ночь и дождь, а вот свернув на просёлочную, всё погрузилось во тьму и тишину. Свет фар выхватывал из темно-

ты то дерево, то валун, то неожиданно поворот. Дождь барабанил по капоту и лобовому стеклу и совершенно не соби-
рался стихать, а уж тем более заканчиваться. Хорошо хоть
дорога была асфальтированная. Но это счастье закончилось
после того, как Алёна проехала через спящую деревушку.
Ни в одном доме свет не горел, деревня-призрак, да и толь-
ко. И только пара фонарей – в начале и в конце длинной
улицы. Кстати, она была единственной, не считая маленькой
площади на окраине, с магазином и автобусной остановкой.
И ничего похожего на добротный дом обеспеченного чело-
века. Деревенские пятистенки, палисадники и дощатые за-
боры. На площади Алёна остановилась и несколько минут
сидела в машине, не зная, что делать дальше. Приключение
закончилось? Домой?

– Гадский дождь, – проговорила она себе под нос. Радио
заскрипело, зашипело, и Алёна его выключила. В машине
сразу стало неуютно.

Пришлось разворачиваться. Площадь величиной с напёр-
сток, объехал остановку по кругу, и кончилась она. Зато
свет фар выхватил справа небольшой указатель, на котором
также значилось «Марьяново», только в кавычках, а рядом
загадочное «ус.». Неужели и впрямь усадьба?

Недоверчиво усмехнувшись, Алёна направила машину
в ту сторону. Дорога была асфальтированной, нырнула под
кроны сосен и заюлила в сосновом бору. Проехать пришлось
около километра, прежде чем дорогу преградили запертые

ворота. И забор, расходящийся в обе стороны. Высокий, металлический, полностью закрывавший обзор. Здравсьте, приехали. Алёна долго разглядывала его в свете фар. Мешал дождь стеной, так и не смогла понять, есть ли кто поблизости, или хотя бы видеокамера или звонок. Кто-то ведь должен открывать гостям, когда они приезжают? Она не то чтобы гость, но всё-таки человек.

Вместо звонка или переговорного устройства рассмотрела дорогу справа, точнее даже набитую машинами колею вдоль забора. Значит, точно есть объезд. Вот только не видно не зги. Что это, вообще, за место, кто позволил им огораживать территорию, да ещё лесной массив? Разве это законно? Вывешивать указатели, запретительные знаки, один из них она заметила на дороге к усадьбе. И насколько она могла судить, над забором не видно даже намёка на освещение. Что это за дом?

Скорее всего, здесь никого нет. А она едет чёрте куда по размытой дождём дороге, в темноте, и понятия не имеет, где в итоге окажется. Один раз автомобиль поехал по грязи боком, и Алёне едва удалось справиться и удержать руль. Бубнила себе под нос что-то, лишь бы тревогу забить, ругала себя на чём свет стоит, и вспоминала, как этим вечером (будто это неделю назад было!), она целовалась с Тарасом Артюховым. Она с ним целовалась, а потом взяла и сбежала, чтобы поехать в эту тьму-таракань. У неё явно что-то не так с головой. Ей об этом любая женщина в их редакции скажет.

А целоваться с ним было почти приятно. Если бы она сама не шарахнулась от него, возможно, всё вышло бы куда удачнее. Она бы смогла его очаровать, Тарас бы влюбился в неё, как мужчины влюбляются раз в жизни – насмерть, и она бы в него влюбилась, по-настоящему. Они бы поженились, жили бы счастливо, работали бы вместе, написали бы роман...

«Шевроле» дёрнулся, странно хрюкнул и остановился. Секунда, и фары погасли. Алёна в руль вцепилась. Замотала головой от ужаса.

– Ты не можешь, не можешь так со мной поступить. Ну, пожалуйста, – она повернула ключ в замке зажигания. Двигатель пофырчал и замолк, и так несколько раз. В итоге, Алёна устало откинулась на сидении и закрыла глаза. Всё, конец.

Выждала минут пять, всё ещё надеясь на чудо. И даже бодро проговорила:

– Поедем домой. Ну его, этого Кострова, от него одни неприятности. Мы домой поедем. – Снова попыталась завести автомобиль, но тот на её призыв никак не отреагировал.

И что теперь делать?

Как ей самой показалось, она очень долго просидела в темноте и тишине. Пыталась справиться с ситуацией, решить, что делать, а в это время вглядывалась в темноту за лобовым стеклом. С одной стороны забор, с другой лес, сосны страшно шумели от порывов ветра и бросали на крышу и стёкла машины всё новые и новые порции ледяной дождевой воды. Начиная трястись от озноба, Алёна была уверена,

что дождь непременно ледяной. Закуталась в кофту и просидела так, съёжившись, до первых предрассветных сумерек. Кажется, даже задремала от волнений, но совсем ненадолго. Но когда глаза открыла, поняла, что за окном уже не непроглядная тьма, мир начинает приобретать пусть и хмурые, но очертания. А после того, как глаза хорошенько потёрла, поняла, что ей не хватило всего пары минут, чтобы доехать до пролеска. Предприняв ещё одну безуспешную попытку завести автомобиль, Алёна вздохнула и полезла на заднее сидение за дождевиком. Хорошо ума хватило, его с собой прихватить. За то время, что Алёна дремала, ливень перешёл в заунывный, противный дождь, и конца края ему видно не было.

Кое-как надев на себя дождевик, нелепо побарахтавшись на переднем сидении автомобиля, Алёна взяла сумку, сунув её под плащ, и нехотя и вздыхая, открыла дверь машины. Утренний холод и влажность тут же пробрали до костей, а под ногами, стоило ступить на землю, отвратительно зачавкало. Да и жутковато было, если честно. Утренние сумерки в дождливом лесу – это ещё хуже, чем оказаться там ночью, честно. Ночью хоть не видишь ничего, а тут чёрте что мерещиться начинает.

Метров через сто лес на самом деле расступился, вправо пошла просека, а слева в заборе обнаружилась вмятина. Алёна подошла, чтобы рассмотреть её получше, даже пнуть забор хотела в сердцах, но вместо этого вытерла лицо, а вмя-

тину осторожно толкнула. Металлический лист неожиданно поддался, и показался небольшой зазор. Достаточный для того, чтобы человек её комплекции смог пролезть. Правда, при этом она едва не лишилась дождевика и половины волос. Зато выпрямившись и обернувшись, поневоле присвистнула. Перед ней был лес. Практически такой же, что и за забором. Такие же сосны, высоченные и мокрые. И единственное, что внушало оптимизм, едва заметная тропинка, что вела от забора прямо в лес. Значит, здесь ходят люди. Где-то поблизости есть люди!

Эх, и страху она натерпелась в этом сыром лесу! Но больше всего боялась сбиться с пути, потерять едва заметную глазу тропинку, и тогда точно можно будет впасть в отчаяние. Когда Алёна из леса вышла, стало ещё светлее. Если в хмурый дождливый день может быть светло. На часах пять утра, с неба льёт, кроссовки насквозь, а через четыре часа ей нужно быть на работе. Отлично. Рыбников её убьёт. К обеду ей надо сдать статью про Беленького. Тот точно сегодня не будет ходить со своими плакатами по улице, потому что в такую погоду нормальный человек собаку на улицу не выгонит. А она вот бродит, мокрая и голодная.

Будто в тумане, впереди показались низкие постройки. На дома это похоже не было, какие-то одноэтажные сараюшки, правда, крытые хорошим железом. Капли дождя от него особенно бодро и звонко отскакивали. Двери все были заперты на амбарные замки, зато дорога от них вела уже при-

личная, по ней Алёна и поспешила. Минут десять ходьбы мимо крытых брезентом брёвен и кирпичей, каких-то досок и огороженных участков. Больше похоже на задворки какого-то колхоза, чем на загородную усадьбу. И даже как-то настораживало. Может, у них здесь и пилорама есть?

Где-то залаяла собака. Алёна остановилась, прислушалась, лай слышался впереди. Капли били по голове и стекали по дождевику ручьями, это и подтолкнуло вперёд. А уж когда ступила на мощёную, явно дорогим камнем, дорожку, и стало понятно, что дом рядом, захотелось кинуться к нему бегом. К этому моменту трясло от холода не на шутку, дождевик спасал от воды, но совсем не от холода. По обе стороны дорожки были разбиты клумбы. Поросшие травой, без единого цветочка, некоторые расплылись от дождя, а может, и от времени. Впереди ещё линия сосен вперемешку с берёзами, а вот за ними уже дом. Огромный. Это был настоящий особняк, та самая усадьба, ни в коем случае не новострой. Такого сейчас не строят, даже по заказным проектам. А тут вытянутый в виде полумесяца, белокаменный, с широким парадным крыльцом и огромными французскими окнами. Будто вырвавшийся из пелены веков. Вот только окна все были тёмными, а сам дом, удивительно светлый, мок под непрекращающимся ледяным дождём и выглядел нежилым. Хотя, даже странно было думать о том, что здесь, вот в этом невероятном месте, может кто-то жить.

Здесь может кто-то жить, а ещё держать собаку. Алёна да-

же не услышала её, почувствовала. Собака не лаяла, подошла неслышно и остановилась у неё за спиной. Потом отряхнулась. Вот на этот звук Алёна и отреагировала. Инстинктивно сделала попытку обернуться, но собака угрожающе зарычала. Алёна только успела заметить жуткий оскал и огромный размер животного, настоящий монстр. Резко отвернулась и на всякий случай вскинула руки.

– Я не двигаюсь.

Здесь ведь есть люди, правда?

Собака снова зарычала, услышав её голос, а потом громко залаяла. Алёна втянула голову в плечи.

– Роско, ко мне! – послышался грозный мужской окрик. Алёна глаза открыла и осторожно повернула голову в ту сторону. Совсем недалеко от неё, метрах в тридцати, стоял мужчина. То есть, огромная фигура в плащ-палатке. Ни лица, ни самой фигуры рассмотреть было невозможно, а голос внушал серьёзные опасения. Глубокий и хриплый, даже скрипучий. А когда человек зашагал к Алёне, она поняла, что двигается он немного странно, покачиваясь. Не сразу пришло понимание, что мужчина прихрамывает. А вот собака рванула к нему при первых звуках его голоса, даже не приказа. Правда, подбежав к хозяину, обернулась на Алёну и ещё на ту полаяла, демонстрируя своё рвение и профессионализм. – Тише, Роско, – одёрнул пса мужчина.

Алёна сглотнула. Её взгляд метался с тёмной фигуры в плаще к огромной собаке палевого цвета, с купированными

ушами и хвостом, и обратно. Пёс снова отряхнулся, шерсть была хоть и короткой, но густой, а тело мощное, сильное, натренированное, как у хорошего спортсмена. И пасть собака имела отменную, челюсти, напоминали два ковша экскаватора. Как начнёт рычать да взглядом тебя буравить, жуть берёт. Алёна тарасилась на собаку, опасаясь смотреть на человека рядом с ней. Под капюшоном лица было не разглядеть, лишь тёмное пятно, но она была уверена, чувствовала, что её разглядывают и оценивают.

– Ты кто? – коротко и зло спросили у неё.

Ей понадобилась секунда на размышление. Чутьё подсказывало, что рассказывать о журналистском расследовании так сразу не стоит.

Откашлялась. Ей самой показалось, что получилось вполне достоверно.

– Простите меня. Понимаете, у меня сломалась машина. – Алёна махнула рукой. – Где-то там, за этим треклятым забором. Мотор заглох, я посидела, пока было темно, а потом решила искать... как выбраться. А дождь идёт и идёт, – с отчаянием закончила она.

Мужчина молчал. Стоял перед ней, как тёмный валун, не шевелился и молчал. Дождь капал, на голову, на плечи, брызги попадали на лицо, и Алёна, выйдя из оцепенения, снова затряслась, на этот раз заметно.

– Вы разрешите мне позвонить? Я вызову такси...

– Такси?

– Как отсюда уехать?

– Смотря, зачем вы сюда приезжали.

– Я?.. – Она приехала, в надежде сделать карьеру. Сейчас же она не хочет ничего, кроме как оказаться дома, в постели, с чашкой горячего чая, и чихала она на все журналистские расследования на следующие лет тридцать. Как оказалось, что-то расследовать куда приятнее в тепле и комфорте, а не вот так... в холоде и бесконечной сырости. Что с погодой случилось?! Ещё вчера днём было под тридцать градусов жары!

Мужчина ответа ждать не стал, наверное, можно считать это везением. Повернулся к ней спиной и сказал своей собаке:

– Роско, в дом. Только чокнутые по такой погоде шатаются.

Алёна стояла и в полной растерянности смотрела, как он шагает по дорожке, чуть заметно прихрамывая. Но, к счастью, он о ней вспомнил и сказал:

– Пошли в дом.

Второго приглашения было не нужно. Алёна за ним вприпрыжку понеслась, и даже опередила бы, знай, куда идти. Шли они в противоположную сторону от парадного крыльца. И сейчас она не думала об опасности, о том, что они, судя по всему, вдвоём на огромной территории, и ей даже голос его не нравится, а всего остального она ещё и не видела. Но она шла за ним, и только Роско время от времени огляды-

вался на неё и смотрел строго из-под нахмуренных бровей. Хмурился и предупреждал, но рычать вроде бы передумал.

В дом они вошли через узкую дверь бокового входа. Роско ещё раз отряхнулся, брызги полетели во все стороны, а потом, виляя обрубком хвоста, пёс вбежал в тепло. Алёна хвостом не виляла, она вошла и замерла, поражённая теплотой и сухостью. Проклятый дождь за последний час её почти свёл с ума. А оказавшись в тёплом помещении кухни, никак не могла надышаться сухим разогретым обогревателем воздухом и ароматом кофе.

– Не стой, раздевайся, – поторопили её. – С тебя уже лужа натекла.

Мокрый дождевик у неё отобрали, кроссовки Алёна сама скинула, прошлёпала сырыми носками по каменному полу, неожиданно прогретому, к тяжёлому дубовому столу и без сил опустилась на стул. Рассеянным взглядом обвела кухню, сглотнула судорожно, и тогда уже посмотрела на мужчину. Он как раз снимал плащ-палатку, стряхнул её у двери, и повесил на крючок. И тогда уже к Алёне повернулся. Самое время было проявить осторожность, и на спасителя, если он, конечно, её спас, обратить всё своё внимание. Если честно, по его голосу она успела решить, что он старше. А оказалось, что вполне молодой мужчина, плотного телосложения, достаточно высокий, вот только какой-то неопрятный, заросший и взлохмаченный. Щетина на его щеках точно недельной давности. Свитер крупной вязки на первый взгляд ка-

зался дорогим, но был растянут и поношен. Джинсы вытерты до предела. А когда он, хромая, направился к столу, то даже поморщился.

– Чёртова погода, – слышалось от него. Он потёр ладонью бедро и пальцем указал псу на место у обогревателя. Там лежала плотная подстилка, Роско подошёл, обнюхал её и улёгся. А сам на Алёну поглядывал.

– Спасибо, что пустили меня, – решила подать голос Алёна. – Я думала, так и умру в этом лесу.

– Вполне могла, – согласился мужчина. – Так где, говоришь, у тебя машина сломалась?

– Так сразу и не сообразишь, – попробовала увернуть от ответа Алёна.

Мужчина поставил перед ней чашку, налил кипятка из электрического чайника. Алёна сразу её замёрзшими ладонями обхватила. А пока она осторожными глотками пила горячий чай, мужчина вернулся на кухню и протянул ей пару шерстяных носок.

– Надень.

– Вот спасибо! – Алёна с энтузиазмом принялась переодевать носки, ничуть не смутившись, что подаренные (или одолженные?) велики ей размеров на пять. И, стараясь отвлечь мужчину, затараторила: – Я так замёрзла. Промокла, и лес этот бесконечный! Хорошо хоть я вас нашла. А что это за дом? Я как его увидела, думала, у меня бред. Как в старом кино.

Мужчина присел за стол, напротив Алёны, она замечала, как цепляется его взгляд за её лицо. Её болтовня его несколько не впечатляла, глаза смотрели настороженно и колко, и губы кривились неприятно. Из-за щетины Алёна даже не могла понять, симпатичный он или нет. Вроде не старый, около сорока лет, но он бесконечно хмурился и смотрел на неё с огромным подозрением.

– Это музей?

– Нет. Это частная собственность. Ты нарушитель.

Алёна перестала дуть на чай. На мужчину покосилась.

– Правда?

– А ты когда за забор лезла, не поняла этого?

– Да где он был-то, этот забор? Я от него ещё сколько прошагала.

– Вот там и начинается частная собственность.

– Серьёзно? Сколько же здесь земли?

Этот вопрос он проигнорировал, и вместо этого спросил:

– Как ты через забор перелезла?

– А там дырка была, небольшая.

– Зараза.

Алёна глаза на него вытаращила.

– Я?

Он губами пожевал, кивнул на чашку с чаем.

– Пей, давай. Заболеешь.

Он снова поднялся, вернулся уже с пачкой печенья и тарелкой с бутербродами. Поставил всё это на стол.

– Больше порадовать нечем.

– Ой, спасибо, больше и не нужно ничего! Я такая голодная. Я вчера два бургера купила, так их по дороге съела.

– По дороге куда?

Она моргнула, после чего решила улыбнуться.

– Меня зовут Алёна.

Мужчина стоял перед ней, зацепившись пальцами за карманы на джинсах, и молчал. Снова её разглядывал. После чего сдержанно кивнул.

– Я запомню.

Мгновение набиралась смелости, потом спросила:

– А вас как?

Он тоже помедлил.

– Фёдор.

– Очень приятно. А можно я вашей собачке колбасы дам?

Она так на меня смотрит... – и добавила чуть тише: – Может, меня есть передумает.

– Нельзя. Роско ест только полезные продукты.

– А-а. Что ж, а я могу и вредные.

– Так куда ты ехала? Ты так и не ответила.

– Если честно... – Нужно было срочно решить, что у неё в данный момент относится к честности. – Наверное, я сюда и ехала. Просто не понимала, что именно ищу.

– Очень интересно.

– Я искала дом Костровых. Но я думала, это просто дом.

– Зачем тебе дом Костровых?

– Ну как, сейчас о них все говорят.

– А-а. Ну, это да.

Алёна откусила от бутерброда с колбасой и запила чаем. Вкусно было невероятно, а ещё очень приятно, особенно то, что чай ещё не успел остынуть, и внутри всё потихоньку отогревалось и дрожь и озноб затихали.

– Так это их дом?

– Нет.

Она немного расстроилась.

– Вы уверены?

Мужчина вроде как усмехнулся, снова напротив неё присел и осторожно вытянул левую ногу. Ладонью её погладил.

– Вроде как.

– Надо же. А я кружила по деревне, кружила, так и не нашла. А вы сам местный? Вы знаете, где дом Костровых?

– Второй от выезда в город.

Алёна попыталась припомнить что-то выдающееся на деревенской улице и не смогла.

– Но там ничего нет.

– Как это? Дом стоит. По крайней мере, вчера ещё стоял.

– Обычный?

– А тебе какой надо?

– Ну... Говорили, что Костров-старший его перестроил.

– Ах, это. Ну, перестроил. Вот этот. А потом его продал. Кажется, он здесь даже не был никогда.

– А вы откуда всё это знаете?

– Сама же сказала, что я местный.

Вообще-то, Алёна этого не говорила, лишь предположила, но уличать Фёдора не стала, это показалось неудобным.

– И вы здесь живёте?

– Я здесь работаю. Сторожу, до приезда новых хозяев.

– Вот оно что. – После чая и бутерброда потянуло спать. Вспомнилось, что сейчас лишь шесть утра, Алёна не удержалась и зевнула.

Фёдор её разглядывал.

– Ты действительно всю ночь под дождём мыкалась? Дом искала?

– Искала, – согласилась она.

– Тебе за это хорошо заплатили?

– Пока нет...

– Ясно. Журналистка?

– Редактор говорит, что толка от меня никакого. Как от журналиста, в смысле.

Фёдор, уже не скрываясь, усмехнулся. А Алёна снова зевнула, правда, попыталась собраться с силами, поморгала, сбрасывая сонливость.

– Так вы можете вызвать мне такси?

– Откуда? Из деревни?

– А тут нет такси? Или города какого?

Он губами пожевал, раздумывая. И, в конце концов, сказал:

– Можно вызвать из Зареченска, но не думаю, что в та-

кой дождь они сюда поедут с большим желанием. Хотя, если у тебя есть деньги...

Денег было немного, на такси до дома, за сто тридцать километров, вряд ли хватит. Да и бросать за незнакомым забором, в лесу, Дусину машину, было безумно жалко. Как она её обратно забирать будет?

– А эвакуатор вызвать можно?

Фёдор головой качнул в сердцах.

– Свалилась же ты на мою голову.

– Я не могу бросить машину.

Роско на своей подстилке тоже зевнул, клацнул зубами и уронил тяжёлую голову на лапы. Фёдор на него посмотрел, потом на девушку перед ним. Та трястись перестала, но выглядела жалкой и уставшей.

– Ладно, я дам тебе одеяло, можешь поспать в соседней комнате. Может, дождь к обеду кончится, и тогда подумаем.

Ей нельзя было спать. Но одна мысль о тёплом одеяле и постели, хотя бы некотором подобии оной, Алёну сломали. Она с сомнением смотрела на гостеприимного сторожа, тот её взгляд игнорировал, а может, попросту притворялся, глядел на свою собаку. А Алёна пыталась решить, насколько можно ему доверять. Остаться с ним наедине в этом огромном доме, лечь спать, чего вообще от него ждать можно. Типом он был хмурым, и явно непростым. Наверное, невесело быть сторожем.

– Поспишь здесь. – Фёдор проводил её до комнаты. Хотя,

сказать «проводил» было не слишком правильно. Они вышли из кухни в коридор, прошли метров пять, и он уже толкнул дверь. Алёна даже не успела ничего толком рассмотреть. Интересно было очень, всё-таки настоящая усадьба, Алёна не отказалась бы прогуляться по дому и как следует осмотреться, но этой возможности ей не предложили и вряд ли предложат. Фёдор толкнул дверь, и Алёне ничего не оставалось, как войти. Тёмная комнатка, совсем маленькая, с плотно занавешенным окном. Наверное, когда-то здесь селили прислугу. Сейчас же здесь стояла тахта, узкий шкаф и... антикварный столик в углу. Он дико смотрелся в скупой обстановке на фоне банальных обоев в голубой цветочек.

Фёдор достал из шкафа подушку и плед, определил всё это на тахту, а на Алёну взглянул с ожиданием. Но на какую-то секунду, или две, в его глазах проявился интерес, определённого характера, он внимательно оглядел Алёну, будто прицениваясь, та занервничала, осторожно отступила, а лицо Фёдора, как и его взгляд, тут же стали нейтральными. Полностью безразличными и даже чуть пренебрежительными. Он приценился, и вынес свою цену. Вот о чём говорило его видимое безразличие.

– Ложись спать. А мне надо работать.

Работать? И в чём заключается работа сторожа, если не в том, чтобы сторожить?

Оставшись одна, Алёна легла на тахту, укрылась одеялом, а взгляд сам собой остановился на двери. Замочной скважи-

ны на ней не было. И шпингалета не было. Не запирается. Алёна вздохнула и приказала себе закрыть глаза. Не думать ни о чём плохом. Она поспит час или два, дождь за это время обязан кончиться, и к вечеру она будет дома. Конечно, придётся оправдываться перед Рыбниковым, что-то придумывать, а, возможно, даже признаваться в своей неудаче, наверное, писать объяснительную за прогул (не уволят же её, правда?), но всё это уже будет после того, как она вернётся. А пока очень странно засыпать, зная, что ты в старинном доме, а рядом какой-то сторож.

За дверью послышалось цоканье когтей по паркету, потом короткое тьяканье и негромкий голос:

– Тише, Роско.

И шаги. Осторожные, неспешные, Алёне даже представилось, как Фёдор идёт по коридору, чуть прихрамывая. Под эти мысли она и заснула.

Была надежда, что когда она проснётся, за окном будет светить солнце. Но вместо этого, первый звук, который услышала, ещё не открыв глаза, это стук дождя по карнизу. Чтоб тебя... Что случилось с погодой? Или Бог именно на неё разгневался, за её проснувшиеся карьерные амбиции?

Поднялась тут же, как только открыла глаза. Раздёрнула шторы, убедилась, что за окном мрак и беспросветный дождь, переступила ногами в чужих носках, и тогда уже посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Долго проспала, непростительно долго.

В доме было тихо. Очень тихо. Ни собаки не слышно, ни работающего телевизора (чем-то сторож должен заниматься, правильно?), ни каких-либо других звуков. Алёна прошла по коридору обратно к кухне, по пути осторожно проведя ладонью по дубовым панелям, которыми были обшиты стены коридора. Заглянула, но никого не увидела. Фёдора не было, подстилка пуста, да и на вешалке плащ-палатки не обнаружилось. Алёна помялась в дверях кухни, борясь с желанием плюнуть на воспитание и манеры, и уступить своему любопытству. Это, без сомнения, невежливо и недопустимо. Для кого угодно, но не для журналиста.

Алёна дошла до конца коридора, почему-то на цыпочках, носки с ног съезжали, и ей пару раз пришлось наклониться, чтобы их подтянуть. Зато толкнув дверь, она об этом забыла. Оказалась в просторной комнате, с теми самыми французскими окнами. По всей видимости, это была гостиная, или парадная зала. Кажется, раньше именно так называли комнату, где принимали гостей. Широкая лестница вела на второй этаж, перила были заглазенье, также дубовые, но не лацные, видимо, их недавно совсем скоблили и чистили. Алёна даже подошла и прикоснулась к ним. Но в гостиной и помимо перил и балюстрады было на что посмотреть. Стены, обитые тканью, резные деревянные панели, люстра... наверное, хрустальная и тоже старинная, даже во мраке сверкающая и внушающая трепет. Она располагалась под потолком, на высоте метров пяти, над лестницей, и если долго смотреть на неё,

казалось, что она падает на тебя, как луна. Мебели было мало, и вся она затянута белыми чехлами от пыли. Алёна приподняла края ткани, под каждой было что-то антикварное. Резной стол с инкрустацией, правда, потускневший, в некоторых местах не хватало камней и эмали. У окна рояль, без сомнения, современный, видимо, привезённый новыми хозяевами. Ещё парочка старинных вещей – буфет и диванчик на гнутых ножках. Рядом диван кожаный, с прожжённым подлокотником. Всё это было удивительно. Особенно камин. Выложенный разрисованной плиткой, больше напоминавший изысканную скульптуру, чем необходимый предмет обихода. А вот над ним единственная картина, неброский морской пейзаж. Ничего примечательного, но рамка, кажется, старинная.

Очень хотелось подняться на второй этаж, но от этой затеи Алёна отказалась. В пустом доме, среди уснувшей потускневшей от времени старины, было не по себе. Не жутко, нет, но червячок волнения ворочался где-то в районе желудка. И заставлял без конца прислушиваться. Было слишком тихо, и это тоже нервировало.

Вместо лестницы, Алёна прошла через гостиную и заглянула в другой коридор, более широкий и не загороженный дверью. Правильно, если до этого Алёна вышла из-под лестницы, с кухни, там наверняка была территория прислуги, а здесь хозяйские покои. И двери в коридоре более массивные и тоже резные. Алёна толкнула первую из них и, к сво-

ему удивлению, не обнаружила прикрытой чехлами мебели. Это был кабинет, обжитой и полностью обставленный. Окно от пола до потолка, книжные потолки во всю стену, рядом с окном массивный письменный стол, а на нём, дань современности, полный набор необходимых гаджетов. Даже странно такое увидеть, после заснувшей эпохи гостиной. Ноутбук, факс, неподалёку принтер. На столе документы и журналы стопкой. Перед диваном в углу, на небольшом столике ещё папки и опять документы. Но всё тихо и безмолвно, всё выключено и будто ждёт прихода хозяина. А где хозяин? Ничего личного, ни одного намёка на то, что кто-то работал здесь недавно.

Алёна подошла, подняла крышку ноутбука, он, конечно, оказался выключенным.

– Вижу, ты проснулась.

Алёна не на шутку перепугалась в первый момент. Вздрыгнула, ей даже показалось, что подпрыгнула на месте, обернулась и увидела Фёдора. Тот стоял в дверях, и смотрел на неё. И было невероятно, что в такой тишине она не услышала звука его шагов.

Она нервно сглотнула, посмотрела на Роско, который сунул голову в дверь кабинета, вынырнув из-за ног хозяина. На Алёну посмотрел и явно осуждающе качнул большой головой. Не рычать, не лаять не стал, лишь сокрушался её неуёмному любопытству.

– Я... решила осмотреться.

– Я так и понял.

Фёдор хмыкнул, и отступил от двери, на Алёну взглянул с явным намёком. Она вздохнула и из кабинета вышла. Но не утерпела и спросила:

– Чей это кабинет?

– Хозяина.

– А кто хозяин?

– Понятия не имею. Но кабинет его.

Они прошли через гостиную, Алёна снова подняла голову, посмотрела на люстру. И вдруг почувствовала, что её аккуратно подтолкнули вперёд, чтобы она не задерживалась.

– Дождь всё идёт.

– К моему огромному сожалению.

После этих слов Алёна кинула на Фёдора быстрый взгляд, прекрасно поняв намёк. Он недоволен тем, что она здесь. Можно подумать, что она довольна.

В дверях кухни Роско Алёну опередил, прошмыгнул рядом, и она машинально погладила его по голове. Пёс в удивлении замер на мгновение, видимо, раздумывал, как реагировать, но затем устремился к своей подстилке, решив не связываться.

– Я долго проспала, – призналась Алёна. – Вы могли бы меня разбудить.

– Зачем? Дождь идёт. Будь он неладен.

Алёна присела за стол, искоса приглядывалась к Фёдору, который неторопливо двигался по кухне. А тот сообщил:

– Я нашёл твою машину.

– Правда? И что с ней?

– Не знаю. Я не разбираюсь в машинах. Но чтобы вытащить её оттуда, даже трактором, придётся ждать, когда дождь закончится. С эвакуатором ещё сложнее. Просохнет там не скоро.

Алёна искренне запечалилась.

– Плохо.

– Да уж. Вот к чему приводит неуёмное женское любопытство, – откровенно съязвил Фёдор. На Алёну посмотрел, сложил руки на груди. Она прятала от него глаза, и это было забавно. – Ты есть хочешь?

– Немного.

– Ты много ешь.

Она моргнула.

– Я вас объедаю?

Он усмехнулся.

– Простое замечание. Это, наверное, так любопытство действует. Заедаешь нереализуемые идеи. Да?

Алёна слегка нахмурилась. Подобные речи сторожу из сельской местности как-то не соответствовали. Но так запросто указать ему на это, показалось неуместным.

Фёдор тем временем подошёл к холодильнику, а Алёна поднялась.

– Давайте я вам помогу.

Он достал из холодильника продукты, положил их на стол

и с явным удовлетворением оставил остальную заботу о хлебе насущном на женщину. Сам стул ближе к окну придвинул и сел, снова вытянул ногу. Алёна, вернувшись к столу с мытыми овощами, на Фёдора покосилась. Целых три секунды раздумывала, прежде чем спросить.

– Что у вас с ногой?

Он поморщился, едва заметно, но поморщился, услышав её вопрос. И неохотно произнёс:

– Старая травма. В такую погоду обостряется.

– Авария?

– Что-то вроде того.

Она кивнула, не зная, что сказать. Поэтому заговорила об обеде.

– Я пожарю картошку и сделаю салат.

– За крышу над головой можешь сварить суп.

Она замерла от неожиданности, обернулась на него через плечо. И в некотором смущении сказала:

– Суп я варю плохо.

– Мама не научила?

Она нервно кашлянула и глухо ответила:

– Нет.

– Значит, мне не повезло. Я первое тоже не умею. Ладно, жарь картошку.

– А вы давно здесь?

– Сижу? Неделю.

– А разве у вас нет сменщика?

– Пока не нашёлся такой же любитель одиночества, как я, видимо.

У Алёны за спиной чиркнула зажигалка и тут же в кухне запахло сигаретным дымом. А дождь всё барабанил и барабанил по карнизам.

– Когда же кончится этот дождь, – смятённо проговорила она себе под нос, нарезая картошку на сковороду.

– Так что там в мире делается? – спросил он.

Роско неожиданно заскулил, Алёна оглянулась на него и увидела, что тот подобрался поближе к хозяину, положил голову тому на бедро и поскуливал от удовольствия, когда Фёдор чесал его за ухом.

После его вопроса припомнился известный всем фильм, и Алёна с лёгкой усмешкой проговорила:

– Стабильности нет.

– Ну, это как раз нормально. А что с Костровыми?

Отчего-то напряглась. Кашлянула, но заставила себя ответить:

– Костров-старший умер.

– Умер и его похоронили, – безразлично поддакнул Фёдор.

– Но в стране скандал.

Он неожиданно рассмеялся.

– Подумать только, скандал. При его жизни всё было чистенько и опрятно, а как помер, так скандал. Вот она, жизнь политика. Причём, заметь, не только российского. Не знаю

почему, но это успокаивает.

– Что коррупция не только у нас?

– Весь шарик погряз.

– И поэтому вы сидите здесь в компании собаки?

Он помолчал, разглядывал её, взгляд опустился с вьющихся волос по узкой спине, на мгновение остановился на бёдрах, но потом спустился к её ножкам в его носках.

– И поэтому тоже, – ответил он после паузы. – А у тебя вот другой бзик. Тебе надо мчаться куда-то в ночь и дождь, ради идеи. Так что ты собиралась здесь найти?

– Кострова-младшего.

– Зачем? Ты думаешь, он стал бы с тобой разговаривать? Алёна в расстройстве закусила губу.

– Нет.

– Тогда зачем?

Пришлось повернуться к нему. На сковороде скворчала жарящаяся картошка, ею пахло на всю кухню, а Алёне предстояло стоять под взглядом небритого мужика и объясняться с ним на тему своих действий и работы журналиста в принципе. А Фёдор ещё так смотрел на неё, с насмешкой взрослого пожившего мужика, которому все её слова кажутся детским лепетом.

– Вы не понимаете, его все ищут.

– Кто?

– Все. Милиция, Следственный комитет. Журналисты. Все. Всем любопытно, почему он сбежал.

Фёдор докурил, затушил окурок, а сам носом шмыгнул. После чего хмыкнул.

– Наверное, потому что его все ищут. Я бы тоже сбежал.

– Может быть, – не стала Алёна спорить. – Но дело ведь не в этом. Если бы я его нашла...

– Я понял, можешь не продолжать. Если бы ты его нашла, ты бы разнесла это на весь свет, и тебе бы вручили медаль.

– Не вручили бы мне никакой медали. Но тогда меня бы заметили.

– Как печально это прозвучало. Ты настолько плохой журналист?

Она решительно качнула головой.

– Я хороший журналист. И я всегда довожу всё до конца.

– До какого?

– До логического, – с нажимом проговорила она, и вдруг поняла, что Фёдор изо всех сил старается не рассмеяться. Его улыбка пряталась в его наметившейся бороде, но глаза смеялись вовсю. Это показалось обидным, и Алёна отвернулась. – Вы ничего в этом не смыслите.

– Ещё бы.

Замолчали. Алёна в обиде, а Фёдор, кажется, обдумывал. Алёна накрывала на стол, нарезала салат, а потом дёрнулась, когда почувствовала близкое присутствие мужчины. Рука Фёдора протянулась мимо неё к столу и поставила на стол банку тушёнки. Алёна удивлённо глянула на него, но он лишь пожал плечами.

Замечательно, она будет есть тушёнку. Во рту появился неприятный привкус, а мозг сам собой начал подсчитывать, сколько лет прошло с тех пор, как она так питалась. Когда-то тушёнка казалась пиром. Пришлось даже зажмуриться, чтобы избавиться от столь ярких воспоминаний.

– Не переживай, это вкусно.

– Вы вообще отсюда не выезжаете? Питаетесь консервами?

– В морозилке есть гусь. Не желаешь приготовить?

– Гусь?

– В деревне старушка продавала.

– Боже.

– Садись за стол.

Роско походил за Фёдором по кухне, потом присел у стола и стал преданно смотреть на хозяина. Пока Алёна раскладывала по тарелкам жареную картошку, Фёдор ловко открыл жестяную банку, взял кусок чёрного хлеба и намазал на него тушёнки. А потом положил всё это в собачью миску неподалёку. Роско кинулся к миске, пару раз щёлкнул челюстями и облизнулся в конце. Алёна наблюдала, не ела. Потом осторожно заметила:

– Ему же нельзя.

Фёдор непонимающе глянул на неё, после чего пояснил:

– Это же тушёнка. Не колбаса.

От тушёнки Алёна отказалась наотрез. Ела картошку, салат, задумалась, и поэтому удивилась следующему вопросу:

– И что ты теперь будешь делать?

Она пожала плечами.

– Ещё надеюсь, что дождь кончится, и я придумаю, что делать с машиной. Как думаете, к вечеру закончится?

– Откуда мне знать. Но я не об этом. С Костровым и всей этой историей. Тебе ведь надо о чём-то писать.

– Это точно... Вряд ли что-то хорошее меня ждёт. – Взгляд невольно метнулся к часам на запястье. – В девять я должна была быть на работе, а через час сдать статью о Беленьком.

– О ком?

– О депутате Беленьком.

На лице Фёдора было озадаченное выражение, и Алёна нахмурилась вслед за ним.

– Так вы местный или нет? Кто в нашей области не знает Беленького?

– Я не знаю. А чем он знаменит?

– Тем, что жуткий зануда и надоеда. Вот чем.

– Безумно интересно. И почему же ты не стала о нём писать?

– Потому что мне куда интереснее, где Костров-младший, – разозлилась Алёна его бестолковости. – Это новость федерального масштаба. А кто такой Беленький? Вот вы его даже не знаете!

– Ну, я не показатель. Я, вообще, в ваших журналистских делах ничего не понимаю. Например, что за необходимость

была пилить почти сто пятьдесят километров в ночь и дождь, чтобы искать какого-то парня.

Алёна мрачно жевала, после чего призналась:

– Если бы я не поехала вчера, сегодня могло бы быть поздно.

– В смысле?

– Сегодня собирался ехать Артюхов.

Фёдор смотрел в свою тарелку и жевал. Потом переспросил:

– Это кто?

– Наша местная звезда журналистики.

– И он собирался ехать в Марьяново?

Алёна кивнула и тут же добавила:

– Но, надеюсь, дождь его задержит.

– Кто знает...

– Что?

Он голову поднял и посмотрел на неё.

– Если он такой же любопытный как ты, может и приехать.

Но хотя бы мозгов хватило не переться сюда ночью. А то спасай вас обоих, корми...

– Ночью бы он не поехал, он вчера в клубе зависал.

Он вглядывался в её лицо, не понятно, что высматривая, затем неопределённо протянул:

– Занятно.

После обеда к Алёне пришло волнение. Нужно было что-то решать. Что-то решать с машиной, с тем, как ей отсю-

да выбираться. Фёдор сказал, что до деревни отсюда километра три. Машины у него не было, по крайней мере, он ей так заявил. Он сторож, а не таксист, именно так и сказал. А это означало, что если Алёна всё же решится оставить здесь машину, то ей придётся идти пешком до деревни три километра. Кроссовки немного подсохли, но стоит ей выйти на улицу, они вымокнут за пять минут, и три километра снова по холоду и сырости её организм не вынесет. Решиться она никак не могла, сомневалась, а время шло и шло. А дождь не заканчивался.

– У вас есть телевизор? Или радио?

– Скучно?

– Хочу погоду узнать!

– Я уже узнавал. До завтрашнего дня просветления не ожидается.

Тоска. Алёна всё-таки вышла на парадное крыльцо, накинула свою кофту, и от двери далеко не отходила. Просто хотелось постоять на этом крыльце, вряд ли ещё когда ей удастся побывать в настоящей усадьбе. Роско вышел за ней, тихонько подошёл и сел у её ног. Задрал голову к хмурому небу, а когда ему на нос накапало, помотал головой и чихнул. Алёна руку опустила и потрепала его между ушей. Роско на всякий случай решил проявить подозрительность, руку её обнюхал, но не отодвинулся, просто безразлично отвернулся. А Алёне почему-то пришло в голову, что это Фёдор его подослал, её караулить. Она даже осторожно заглянула в дом

через приоткрытую дверь, но сторожа не увидела.

— Роско, пойдём в дом, — позвала она, когда начала замерзать.

Пёс пропустил её вперёд, после чего отряхнулся. Брызги полетели во все стороны, Алёна едва успела от них укрыться. А когда собака вошла, закрыла двери, всё как полагается, на шпингалеты и ключ. Двери были высокие, метра три, это было очень непривычно.

— Здесь есть интернет? — крикнула она Фёдору из гостиной. Её так и манило к кабинету, но войти туда без спроса ещё раз она не могла, это было бы воспринято, как преступление. Роско же бродил по гостиной и обнюхивал углы и мебель, видимо, его сюда не часто допускали.

— Есть, но вряд ли оплачен. Мне он ни к чему.

— Жаль.

— Тебя, как посмотрю, потянуло в цивилизацию безудержно.

— У меня телефон разрядился, а зарядник дома остался.

— Не готова ты ещё к приключениям, Алёнушка.

Она взглянула на него со вспыхнувшим изумлением и тут же попросила:

— Не надо звать меня Алёнушкой, мне это не нравится.

— Я шучу.

Фёдор тоже прошёлся по гостиной, оглядывался. Алёна наблюдала за ним. Сейчас он хромал почти незаметно, видно, помогло то, что последние часы давал ноге отдых.

– Вам не страшно здесь одному?

– А чего здесь бояться?

– Такой большой дом. Старый...

Он усмехнулся.

– С привидениями, да?

– О них нельзя говорить.

Фёдор повернулся, посмотрел с интересом.

– Ты веришь в привидений?

– Не знаю, – попыталась она уклониться от ответа. –

Со мной рядом девочка работает, она пишет про всю эту паранормальщину. Так ей кто только не звонит и что только не рассказывает. Конечно, по большей части звонят психи, но все их истории... они странно похожи. Откуда-то они берутся? Вдруг и, правда, кто-то их видит?

Фёдор присел на подлокотник дивана, тот самый, прожжённый, и на Алёну уставился. Потом вдруг спросил:

– Сколько тебе лет?

– Какое это имеет значение?

– Просто любопытно. Может и мне быть любопытно?

Алёна помедлила, прежде чем ответить. Но ничего опасного для себя в этом вопросе не усмотрела.

– Двадцать шесть.

– Замечательный возраст.

Она руку в бок упёрла.

– Не смейтесь надо мной.

– Да я не смеюсь, ты что. Я завидую. Ты ещё можешь поз-

волить себе совершать глупости.

Алёна отвернулась от него. Точнее, увернулась от его взгляда. Прямого и насмешливого. И чтобы перевести разговор на другую тему, спросила:

– Вы что-нибудь знаете о доме?

– Что тебя интересует?

– Вы сказали, что Костров его продал. Я не понимаю, как он мог его продать? Я читала, что он очень им гордился. Всеми силами восстанавливал память предков, денег не жалел.

– Ну, денег не жалел, это точно. Видела, стройку за домом? – Алёна кивнула. – Там будут конюшни и ещё тьма всего.

– Будет? Вы же сказали, что он продал усадьбу.

– Так говорят. Но, наверное, всё равно что-то будет. Материалы завозят исправно.

Алёна подошла к камину, провела рукой по расписной плитке, та была холодной, но приятной на ощупь.

– Я бы не смогла продать. Если бы знала, что здесь жили мои прапрабабушки.

Фёдор поднялся, подошёл к ней, но остановился в паре шагов.

– Всё-таки ты плохой журналист.

Она дёрнулась, покосилась на него.

– Почему?

– Тебе не хватает терпения и усидчивости. Будь ты поумнее, сидела бы сейчас дома, в тепле, и ради сенсации не нуж-

но было бы ночью ехать к чёрту на куличики. Порыскала бы по архивам и выяснила всё про предков Костровых. Вдруг нашла бы сенсацию? Не Кострова-младшего, а что-то более пикантное.

– Я не понимаю...

Алёна повернулась к Фёдору и неожиданно оказалась к нему совсем близко. Носом едва в его плечо не ткнулась. Машинально отступила, но за спиной оказался камин. А Фёдор смотрел на неё в упор и не собирался отступать и выпускать её из капкана.

– Костров, как оказалось, о стольком в своей жизни врал, сама же мне рассказывала, так одной маленькой ложью больше или меньше, какая разница?

Алёна завела руку за спину и вцепилась в каминную решётку.

– Вы про усадьбу? Она не принадлежала его предкам?

Фёдор загадочно и как-то нехорошо улыбался.

– Его дом второй от выезда на трассу.

– А усадьба?

Он лишь плечами пожал.

Они стояли и смотрели друг на друга, близко-близко. Вокруг тишина, только Роско в углу громко дышит, но до них ему никакого дела нет. Фёдор смотрел на неё, наверное, с каким-то умыслом, а вот Алёна невольно принялась всматриваться в его лицо. И чем дольше смотрела, тем сильнее начинала хмуриться. Под его щетиной, на левой стороне лица,

она рассмотрела шрамы. Небольшие, неглубокие рубцы, они пересекались, образуя затейливую сетку от мочки уха до подбородка. И в какой-то момент Фёдор её взгляд расценил верно, потому что Алёне от неловкости захотелось отодвинуться. Она, конечно, ни о чём не спросила, только смущённо кашлянула и отвернулась. А вот из его глаз даже тень улыбки ушла. Он отступил, после чего оглянулся на собаку. И резким тоном приказал:

– Роско, место.

Пёс встрепенулся и бодро потрусил из гостиной на кухню. Фёдор отправился за ним.

Алёна осталась в гостиной, сжала руки в кулаки, затем даже зажмурилась. На самом деле, получилось крайне неловко. Ей даже пришло в голову, что стоит пойти за Фёдором и извиниться за свою бестактность. Оглядела полутёмную комнату, необжитую и холодную, хотела уже пойти на кухню и поступить, как следует воспитанному человеку, но в этот момент услышала с улицы кое-что невероятное. Звук двигателя. К дому определённо подъехала машина. Алёна метнулась к окну, отдернула тяжёлую штору, и на неё пахнуло пылью. Пришлось даже рукой её разогнать, и тут с кухни послышался грозный собачий лай, правда, он тут же смолк, видимо, Фёдор пресёк.

– Кто-то приехал! – Алёна пробежала по коридору, влетела в кухню и увидела, как Фёдор надевает плащ. – Машина подъехала!

– Слышу. Иди в комнату.

– Что? – От этого предложения Алёна растерялась. Посмотрела в окно, увидела, что к дому подъехал тёмный внедорожник. И, не смотря на дождь, из машины вышел мужчина в камуфляже. В принципе, в самом факте ношения камуфляжной формы не было ничего странного, её даже рыбаки и охотники носили, но мужчина не производил впечатления рыбака. Скорее охотника, и спокойнее от этого не становилось. Физиономия была угрюмая, каменная. Дождь закапал на его кепку, по козырьку, но его это нисколько не волновало. Он стоял, расправив плечи, с явной военной выправкой, и оглядывался, но без особого интереса. Он просто ждал.

Фёдор на Алёну посмотрел, оценил то, как она к окну прилипла, и указал собаке на место у двери.

– Роско, сторожи.

Алёна только рот открыла, не в силах поверить, что он это сделал. Но Фёдор вышел, и ей оставалось только на собаку устремить свой изумлённый взгляд. А пёс снова глянул на неё обвиняюще, видимо, решив, что хозяин из-за неё не взял его на улицу, и грузно уселся прямо в дверном проёме. Почесал задней лапой за ухом.

На улице ничего интересного не произошло. Фёдор приблизился к автомобилю, и после минутного разговора с прибывшим, они вместе сели в машину, от дождя спрятались. А Алёна металась по кухне. Стоять у окна быстро надоело, да и Фёдор наверняка мог её видеть, и она отошла к столу.

Пальцами побарабанила, потом чайник на газ поставила. Заглянула в холодильник.

– Роско, хочешь тушёнки? – Она даже открытую банку достала и пса ею подразнила.

Тот открыл пасть, высунул язык, бурно подышал, затем гордо отвернулся. Взятка принята не была. Алёна расстроилась и сунула банку обратно на полку. Села на стул и принялась мотать ногой. Интуиция подсказывала, что она здорово сглупила, сунувшись сюда вчера ночью.

Минут через пятнадцать услышала, как хлопнула дверь автомобиля. Вскочила и поспешила к окну, дёрнула в сторону лёгкую тюлевую шторку. Мужчины снова вышли под дождь, ещё о чём-то поговорили, а потом принялись прощаться. Фёдор пошёл к дому, обернулся и ещё что-то сказал. А тем временем на дороге появился ещё внедорожник, точно такой же, и уже через полминуты, затормозив рядом, из него вышли уже четверо мордovorотов, в той же форме, но что в их появлении поразило Алёну, это наличие у каждого оружия. Она отлично рассмотрела кобуры и рукоятки пистолетов. Инстинктивно вцепилась в край подоконника. Этого только не хватало. Правда, ничего не произошло, все ещё пару минут помокли под дождём, после чего Фёдор направился к дому, а остальные расселись по машинам и поехали прочь. Признаться, Алёна вздохнула с облегчением. Не знала почему, повода к этому облегчению не видела, но оно её посетило.

– Кто это был? – спросила она, как только Фёдор вошёл в дом и снял плащ. Встряхнул его в коридорчике у двери, и определил на вешалку. Погладил Роско в знак поощрения, когда тот ткнулся широким лбом в его ноги. А Алёне сказал, многозначительно усмехнувшись:

– Хозяин едет.

3

– Я хочу уехать в город. Вызови мне такси. За любые деньги.

– Ты чай будешь пить? У меня пряники есть.

– Ты слышишь?!

– Тише. – Фёдор посмотрел на неё, оценил степень волнения и усмехнулся. – В чём дело? Тяга к расследованиям прошла? – Он включил чайник, достал чашки и поставил их на стол.

Алёна рискнула подступить к нему.

– Я хочу в город. Ты слышишь?

– Ты заметила, что мы перешли на «ты»?

Она обречённо выдохнула и отступила. Опустилась на стул.

– Я как дура, тебе всё разболтала, а ты...

– Что я?

– Сдал меня хозяину!

– Ну, знаешь, мне за это деньги платят. Так чай будешь?

Алёна глянула на него волком, ничего не ответила, но пряник из пакета взяла. Он оказался мягким и мятным.

– Хозяин – это Костров-младший?

– Я не уполномочен отвечать на такие вопросы.

– Ещё бы! И ему явно не понравится, что я его отслеживала.

Фёдор отхлебнул горячего чая, откусил от пряника и кивнул.

– Явно.

Алёна наблюдала за ним.

– Но ты всё равно меня сдал.

Он кивнул на её чашку.

– Алён, ты чай-то пей.

– А эти люди?..

Фёдор пожал плечами.

– Охрана. Да и забор надо отремонтировать. Чтобы не ша- стали всякие.

– И не вышли, да?

– И это тоже.

Алёна прищурилась, глядя в его лицо.

– А что ты такой довольный?

Он рассмеялся.

– Когда делаешь свою работу хорошо, на душе всегда приятно. У тебя не так? – Она молчала, и Фёдор улыбаться перестал, даже успокаивающим тоном проговорил: – Я шучу, Алёна.

– А если шутишь, скажи, что со мной будет.

– Да ничего с тобой не будет. Побудешь здесь ещё пару дней, потом вернёшься в город. Ты пей чай-то, пей.

– Чтобы никто не знал, что он здесь?

Он вздохнул. Устало так, словно в один момент утомился от разговора с ней.

– Детка. Я не буду тебе льстить, и не буду говорить, что в шоке от твоего ума и прозорливости. Ты милая девочка, даже красивая, и я искренне надеюсь, что когда ты повзрослешь, то научишься улавливать тот момент, когда надо остановиться. И не лезть туда, куда не надо. Ты когда через забор ночью лезла, у тебя в мозгу азбука Морзе не выстукивала? Чтоб ты знала, это именно тот момент. Когда надо лезть обратно.

– А ты, наверное, слишком осторожный, что сидишь здесь один.

– Нет, я наученный. А когда-то был таким, как ты. Думал, что уж моя-то башка с плеч точно не слетит.

– А ты его видел?

– Кого?

– Павла Кострова. – Фёдор молчал, и Алёна продолжила, не спуская глаз с его лица. – Его никто не видел, уже очень давно. Ни одной фотографии его нет, он нигде не появляется.

Он хмыкнул.

– Ты рассказываешь странные вещи.

– Но это на самом деле так.

– А, может, он просто не хочет, чтобы кто-то знал, чей он сын?

Алёна сжала руку в кулак и поводила им по столу.

– Может быть, – пришлось ей согласиться. – Но всё это очень странно.

– Ещё бы.

– А ещё говорят, он бандит.

– Ты очень много болтаешь, красавица моя.

– Знаю.

– Тебе надо было идти на телевидение. Там таких любят.

В шоу о всяких срамных бытовых скандалах.

– Я хочу уехать.

Он остановился рядом, посмотрел на неё сверху и вдруг погладил по голове, как Роско.

– Ты останешься.

Алёна нервно сглотнула. Уж слишком многозначительно прозвучал его тон.

Из-за дождя на улице раньше стемнело. Сумерки пришли, когда ещё восьми вечера не было. Стало мрачно и противно, и хотя дождь и поутих, но это ещё не означало близкую перемену погоды. Алёна, в знак протеста, с кухни ушла, устроилась в барской гостиной, как она её про себя называла, на диване, скинув чехол, и вот уже полчаса сидела и смотрела на морской пейзаж. Смотрела от тоски, а на самом деле занята была тем, что раздумывала, как ей отсюда выбраться. И боялась, боялась приезда «хозяина». Не знала, что от его приезда ждать. Конечно, по его мнению, она поступила неправильно, нарушила границу его частной собственности, из желания нажиться на его имени. Ему это точно не понравится, ей бы тоже, если честно, не понравилось. Но она ведь делала свою работу! И не особо преуспела, что

тут скрывать. Узнать ничего не узнала, только сама всё выболтала. И как так получилось? Этот Фёдор, по всей видимости, имеет иезуитскую натуру, молчит, в глаза тебе смотрит редко, но как-то незаметно располагает к себе. Не смотря на свою подозрительную внешность.

Или в ней самой дело? Взяла и всё разболтала. Алёна даже поморщилась в досаде.

Роско пришёл к ней, сел напротив копилкой и уставился на неё печальными глазами.

– Не смотри на меня, – сказала ему Алёна. – Это твой хозяин плохой человек, а не я. – Пёс дёрнул коротким ухом, Алёне показалось, что взгляд его стал недоверчивым. И она поспешила подтвердить: – Да, да. Он работает не на тех людей, на плохих, значит, и он плохой.

Роско шумно вздохнул, лёг и отвернулся от неё.

Что Фёдор делал на кухне в одиночестве, она не знала. Как ни прислушивалась, ничего не слышала. А потом хлопнула входная дверь. Роско тут же сорвался с места, хотя ещё секунду назад казалось, что он дремлет. А тут, как пуля пронёсся по коридору, с лаем и клацаньем когтей по паркету. Алёна проводила его взглядом и лишь презрительно фыркнула вслед. Что взять, собака. Зато оставшись в доме одна, пусть и ненадолго, её мысли вернулись ко второму этажу дома. Днём ей осмотреть его не удалось, а сейчас... не смотря на волнение и опасения из-за своего незавидного положения, захотелось сделать что-то назло и наперекор. Кому именно –

Фёдору или Кострову-младшему, разбираться было не досуг. Но сидеть и дальше на диване, ожидая неизвестно ничего, было немыслимо. И кинув опасливый взгляд в сторону кухни, Алёна с дивана поднялась и быстро, пока не передумала, побежала вверх по лестнице. Ни одна ступенька под ней не скрипнула.

Второй этаж тонул в темноте. Коридор был широкий и пустой. Наверняка, когда в доме постоянно жили, здесь стояли небольшие диванчики и столики с вазами, а сейчас пусто. Алёна на цыпочках прошла по коридору, невольно представляя себе этот дом полтора века назад. Этого невозможно было не делать, здесь всё дышало историей, даже в темноте: паркетные полы, дубовые резные двери, деревянные панели на стенах. Алёна проводила по ним пальцами и несильно толкала двери, все оказались незапертыми, распахивались без скрипа, и в коридоре становилось светлее. Она заглядывала в комнаты, но кроме мебели под белыми чехлами, в них не было ничего интересного. И только последняя дверь привела её в самую просторную комнату, с панорамными окнами и расчехлённой мебелью. Большая кровать, ковёр на полу. На стене плазменный телевизор, а в шкафу одежда. Дверцу шкафа Алёна поторопилась закрыть. Это уже было не просто любопытство, это было откровенное вторжение в чужую жизнь. Вспомнились слова Фёдора о срамных телешоу, стало неприятно, и Алёна от шкафа отошла. Но подошла к окнам. Отвела рукой занавески и выглянула.

– Ты любопытна не в меру.

– Ты здесь спишь?

– А как же, хозяйская спальня. Как можно упустить такой шанс, да?

Она повернулась, посмотрела на него.

– Ты понимаешь, что это ничего не решит? То, что я посижу здесь день или два. Я совершила глупость, что приехала сюда. Но скоро приедет Артюхов, и он, наверное, приедет не один.

– А с кем?

– У него есть друзья. Которые знают Кострова. И Тарас с ним знаком. Я слышала, как он говорил по телефону. А я никому не нужна, и я ничего не знаю. У них какие-то свои старые счёты.

– А говоришь, что ничего не знаешь.

– Я просто подслушала.

– Да, проблема, – согласился Фёдор и шагнул к ней. – А ты хорошо знаешь этого Артюхова?

– Мы работаем в одной редакции. Иногда сталкиваемся в коридоре.

– Какая странная у тебя жизнь, детка. Ты неудачливая журналистка, которая подслушивает важные разговоры и попадает случайно туда, куда никто попасть не может. И знаешь, я склонен с тобой согласиться, я бы не счёл это везением.

– Вот видишь!

– Вижу, – кивнул он. Сделал ещё шаг и протянул руку к её волосам. Алёна поспешила отступить, но Фёдор вдруг схватил её за локоть и притянул к себе.

Она зашипела на него:

– Ты что делаешь?

Он завёл ей за спину одну руку, довольно больно, Алёна поморщилась, а Фёдор обвёл указательным пальцем её щеку. Наклонился ближе к лицу Алёны и проникновенно проговорил:

– Ты ведь не сделаешь глупость?

– Какую? – эхом и очень тревожно переспросила Алёна.

– Не будешь доставлять мне неприятности?

Алёна пыталась освободить свою руку, но её держали, как в тисках. Фёдор, кажется, даже наслаждался её трепыханиями, потому что неожиданно ухмыльнулся, но хватку немного ослабил, чтобы ей не было больно. А потом снова по голове её потрепал. Пальцы запутались в волнистых волосах, потом сжались в кулак. И улыбаться Фёдор перестал, и от его взгляда у Алёны в горле комок встал от волнения. Она знала, что произойдёт дальше. В полумраке вглядывалась в его небритое лицо, видела, что он прищурился, а когда пальцами сжал её подбородок, зажмурилась. И даже вырываться передумала. Смысл вырываться, если её скрутили, как совершенно беспомощную куклу, и от неё уже ничего не зависит.

– Красивая, но глупая девочка, – насмешливо сказал он, и поцеловал. В наказание. Раньше Алёна и не подозревала,

что поцелуи могут быть наказывающими. Ей сдавили ладонью челюсть, заставляя открыть рот, и поцеловали. Время остановилось, поцелуй длился и длился. Она пыталась прийти в себя, оказать какое-то сопротивление, но все моральные силы уходили на то, чтобы принять прикосновение чужих губ и языка. Алёна даже не поняла, в какой момент он её отпустил. Целовал, а руки уже не держали. А она стояла, потрясённая, на поцелуй не отвечала, могла слушать только своё барабнящее в груди сердце. А когда осознала, открыла глаза, поняла, что Фёдор за ней во время поцелуя наблюдает, и оттолкнула его. Сколько сил в себе нашла, столько в этот толчок и вложила. Он, конечно, отшатнулся, но тут же засмеялся. Громко, издевательски, он был доволен собой, а Алёна выбежала из комнаты и бросилась по коридору, к лестнице. С громким топотом сбегала вниз. Роско выглянул из кухни, виляя хвостом, наверное, решил, что они игру затеяли. А Алёна пронеслась мимо него, схватила свои кроссовки, что стояли у обогревателя, сумку с подоконника, и, лишь на мгновение усомнившись, плащ-палатку с вешалки сдёрнула. И выскочила из дома.

Остаться было нельзя. Ночь, дождь, не важно. Нужно было уходить. Пока Фёдора не было за спиной, пока Роско снова не приказали её сторожить, пока не приехал «хозяин». Правда, это стремление прошло довольно быстро. На адреналине Алёна пробежала метров сто, запыхалась и остановилась. Остановиться было необходимо. Для того, что-

бы отдышаться, оглядеться, да и накинуть на себя тяжёлую плащ-палатку. Она находилась на краю пролеска, как помнилось, впереди должна была начаться стройка, хозяйственные постройки, но из-под тени деревьев всё равно было выйти страшно. На улице стремительно темнело, и идти дальше, бежать сломя голову, было страшно. Алёна вовсе не была уверена, что, во-первых, найдёт дорогу к дыре в заборе, через которую попала на территорию усадьбы, а во-вторых, что её ещё не успели заделать. И куда она побежит?

Сзади раздался лай Роско, но далеко, у дома. А потом и Фёдор крикнул:

– Алёна! Не дури, вернись!

Она промолчала, закуталась в плащ. Выжидала. Привалилась спиной к влажному стволу высокой сосны. Конечно, Роско её найдёт. Поэтому и бежать во тьму смысла нет. Вот и решила подождать. Стоя под деревьями, дождь особо не докучал, но темнело, и это беспокоило. Минут через десять захотелось присесть, Алёна руки на груди сложила и раздумывала – вернуться в дом или нет. Фёдор её больше не звал, но зато минут через десять послышался звук подъезжающего автомобиля. Алёна осторожно приблизилась, спряталась за мокрым кустом, пыталась понять, что происходит и кто приехал. Но, по всей видимости, не «хозяин». Подъехал всё тот же внедорожник, из него вышел всё тот же тип в камуфляже, а Фёдор встретил его у бокового входа, и они о чём-то заговорили. А Роско вышел на улицу, поднял лоба-

стую голову к небу, открыл пасть, ловя капли дождя, а потом потрусил в сторону сосен. Алёна уже больше за собакой наблюдала, чем за мужчинами. Уже понятно, что Фёдор докладывает о её бегстве, он сам её искать не отправится. А Роско пробежал по мокрой траве, время от времени мотая головой, когда становилось совсем мокро, и ничего удивительного, что уже через минуту был рядом с Алёной. Не лаял, не скулил, никого не звал. Подошёл и тоже, как Алёна, из-за куста выглянул, видимо, интересуясь, за кем она подглядывает.

– Иди, – зашипела на него Алёна. – Иди домой, Роско.

Тот вывалил розовый язык и бурно задышал. Алёна рискнула пихнуть его коленкой в упругий бок.

– Иди немедленно. Вперёд.

– Роско! – послышался резкий окрик от дома. Алёна замерла, уверенная, что вот сейчас пёс залает и её сдаст, но тот даже не взглянул на неё, стрелой сорвался с места и понёсся к Фёдору. Алёна осторожно выдохнула.

– Давай доедем до забора, посмотрим, – услышала она ворчливый голос. И следом Фёдор пожаловался мужику в камуфляже: – Вот, Вадим, бывают бабы дуры, и это не лечится. Сейчас сядет под каким-нибудь кустом и будет реветь, а мы её, идиотку, ищи полночи. Роско, в машину.

Собаке открыли заднюю дверь, и Роско без вопросов запрыгнул в салон. Когда автомобиль проехал мимо, в сторону стройки, Алёна проводила его взглядом, не в силах пове-

ритель своей удаче. Для уверенности, выждала немного, потом заспешила к дому. Дверь оказалась открыта, Алёна вошла на кухню, капюшон с головы скинула, и поспешила по коридору к кабинету. Пришлось зажечь свет, видно уже было плохо. А она искала телефон. На столе стоял стационарный, но сняв трубку, Алёна поняла, что гудка нет. И ноутбука не было. Алёна чертыхнулась негромко. Подёргала ящики письменного стола, но все оказались заперты. Фёдор решил подстраховаться. Что ж, правильно. Но ей необходимо было позвонить, нужно было вызвать такси, хотя бы в деревню. Но не везло, не везло.

В последней надежде, уже собираясь уходить, заметила в кухне на вешалке толстовку Фёдора. Тот уехал в куртке военного образца, она видела, а толстовку, в которой ходил дома, повесил на крючок. Вот в карманы этой толстовки Алёна руку и сунула. Знала, что у Фёдора есть мобильный, но при ней он им не пользовался. Но ещё утром телефон лежал на подоконнике, подключённый к сети, Алёна прекрасно его видела. А теперь Фёдор то ли забыл его, то ли не взял за ненадобностью, и его-то Алёна и сунула в свой карман. И направилась в другую сторону от дома, по центральной дороге, к воротам. Как получится выйти за ограду – не представляла, и был риск, что у ворот охрана, но это было единственное направление для спасения.

Чтобы дойти до забора, понадобилось больше получаса. Окончательно стемнело, зато дождь почти перестал, лишь

неприятно моросил. Увидев впереди домик охраны, Алёна шаг сбавила, приглядывалось, но было тихо и никого поблизости не видно. Да и единственное окошко в домике было тёмным. Правда, как только она приблизилась, над головой вспыхнул прожектор. У Алёны от испуга едва сердце не остановилось. Она замерла, как в детской игре «Море волнуется», в нелепой позе, боясь вздохнуть, и уверенная, что её прямо сейчас застрелят. Но навстречу никто не вышел, тишина, только сосны шумят. Господи, да что же это за люди? Что у них за мания преследования? Прожекторы с датчиками движения, как в фильмах про тюрьму.

Хорошо ещё, что калитку удалось открыть без особых проблем. Снаружи, конечно, она казалась препятствием непреодолимым, как и сами ворота для въезда, ни одной щели или зарубинки, да и наличие домика для охраны предполагало устройство настоящего КПП, но сейчас никого не было, и Алёна лишь сдвинула тяжёлый магнитный засов на калитке, где-то что-то пропищало, и калитка поддалась. Алёна с огромным облегчением захлопнула её за собой с другой стороны, замок тут же щёлкнул. А она оказалась перед тёмным лесом. Захотелось нервно кашлянуть, но делать нечего. Надо идти вперёд. По дороге, тут недалеко, доехала она минут за десять. Отошла от забора метров на двадцать, и за её спиной погас свет. Прожектор выключился. Вот теперь точно лучше не медлить.

Шла она бодро, стараясь не думать о страхе и жути, о шу-

мещающих тревожно соснах. Только прислушивалась, не едет ли по дороге машина. Если услышит, тут же в кустах у дороги и спрячется, это не проблема. Но ничего такого не произошло. Неожиданно лес впереди расступился, дорога кончилась, и Алёна оказалась на окраине деревни. И совсем рядом площадь с остановкой и горящим фонарём. Боже, в это невозможно было поверить. Захотелось закричать, затопать ногами, завопить от радости, и Алёна на самом деле закричала, но не от радости, а бросившись со всех ног к остановке, заметив автобус. Это уже кто-то наверху позаботился о ней, не иначе. Она закричала, кинулась к остановке, путаясь в плаще, замахала руками. Небольшой, побитый жизнью и деревенскими дорогами автобус уже готов был тронуться с места, в салоне всего пара человек, но водитель Алёну заметил, помедлил, прежде чем закрыть двери, а она поспешила сбросить с плеч тяжёлый плащ, переступила через него и уже через несколько секунд вбежала в автобус, не веря своему везению.

– Спасибо, – выдохнула она. Улыбающаяся, взъерошенная, наверняка, с безумным взглядом. Но повторила, благодаря пожилого водителя от всего сердца: – Спасибо, что подождали.

– Девушка, вы что-то потеряли, – сказали ей, намекая на брошенную плащ-палатку, но Алёна лишь беспечно отмахнулась, шлёпнулась на ближайшее сидение и выдохнула:

– Он мне больше не нужен.

Поначалу ещё с тревогой оборачивалась, поглядывала в заднее стекло автобуса, но за ними никто не гнался, никто не обгонял. Автобус ехал и ехал, иногда подпрыгивая на ухабах. Останавливался на всех положенных остановках, но на последний рейс желающих почти не было. И через полчаса Алёна успокоилась настолько, что задремала, закутавшись в кофту. И так ей спалось крепко, даже сон какой-то приснился, и глаза открыла только, когда ей привиделось лицо Фёдора, рассерженное. Алёна резко села, открыла глаза и постаралась понять, где они. Впереди как раз показались огни города. На душе сразу стало спокойно.

Вот это приключение у неё выдалось. Кому рассказать – не поверят. Но интуиция подсказывала, что лучше не рассказывать. Что угодно придумать, но правду не рассказывать.

– Алёнка, ты sdурела? – завопила ей в трубку Оксана Перевайко, когда утром Алёна ответила на звонок. Её телефон за половину ночи восстановился полностью, выдал ей информацию о куче пропущенных вызовов и список эсэмэсок гневного содержания. Оказавшись дома ближе к полуночи, Алёна не могла об этом думать, поставила телефон на зарядку, поспешила в душ, а после без сил рухнула в постель, наконец, уткнувшись носом в собственную подушку и закутавшись в своё одеяло. Сутки об этом моменте мечтала. Снилось снова что-то тревожное, она куда-то бежала, от кого-то пряталась, а потом... потом её кажется, целовали. Закрыли рот поцелуем, и Алёна чуть не задохнулась от натиска и на-

пора. Правда, когда проснулась, поняла, что она сама целует... подушку.

И наутро, вроде бы выспавшись, всё равно чувствовала себя жутко усталой. А тут ещё и телефон зазвонил, Алёна даже не успела выпить кофе и съесть чуть зачерствевшую плюшку.

– Где ты была?!

– Не кричи, – попросила её Алёна, вжимаясь в угол кулонного диванчика и поджимая ноги. – У меня... появились срочные дела.

– Дела? Алён, Рыбников рвёт и мечет.

– Ему положено, он начальство.

Оксана помолчала, потом совсем другим тоном, озабоченным, поинтересовалась:

– Что у тебя случилось?

Она вздохнула. Ничего подходящего на ум не шло. Мозг и организм были истощены вчерашними тревожностями и бегом по лесам под дождём. Кстати, сегодня в окно всю солнце светило. Вот где справедливость?

– Мне пришлось съездить к Дусе. У неё... кое-что случилось... – Прости Господи, чтоб не сбылось! – У меня даже не было времени позвонить. Рыбников сильно злится?

– Грозил уволить.

– Плохо.

– Алёна, ты сама виновата! – тут же возвысила Оксана голос до самой высокой ноты. – Кто же так поступает? Я тоже,

к твоему сведению, волновалась! Ты ушла из клуба и пропала! Может, тебя убили?

– Не убили, – проговорила она.

– Кстати, что у тебя с Артюховым?

Алёна так и не донесла до рта кружку с кофе. Замерла на мгновение.

– А что?

Оксана вдруг усмехнулась.

– Он вчера заходил, тебя искал. Представляешь? Я чуть со стула не упала! А Серёга сказал, что ты с ним в клубе зажигала! А когда? Я не видела!

– Меньше надо пить, – пробормотала Алёна, поднимаясь с дивана. – Что он сказал?

– Да ничего. Спросил, где ты.

– А ты что сказала?

– Алёна, ну что я могла сказать? Что ты не пришла! А он номер твой спросил.

– Любопытно...

– Почему?

Алёна опомнилась, головой мотнула, а Перевайко сказала:

– Просто любопытно. Я собираюсь на работу. И ты собирайся. Встретимся в редакции.

На душе было беспокойно. Не смотря на то, что дома, не смотря на то, что всё, вроде как, благополучно разрешилось, и даже не смотря на яркое солнце за окном. Но интуиция подсказывала, что неприятности ещё могут догнать,

и весело тогда Алёне не будет.

На кухонном столе лежал чужой мобильный телефон. Воспользоваться им так и не пришлось, и теперь он лежал и смущал своим видом. Получается так, что она его украла? Алёна взяла его в руки, пару секунд рассматривала, потом нажала на кнопку включения. Телефон издал звук, и экран посветлел, затем порадовал фирменной заставкой. Правда, дальше этого дело не пошло, уже через мгновение стало ясно, что телефон запаролен. Очень мило, супер секретный сторож усадьбы. Алёна разозлилась и сунула телефон наверх холодильника. Просто в голову не пришло, куда его ещё можно деть.

Выходя из подъезда спустя двадцать минут, странно замешкалась в дверях. Быстро огляделась по сторонам, нацепила на нос чёрные очки, и тогда уже рискнула выйти. Взгляд сам собой устремлялся в сторону дороги к гаражам. Дуся расстроится, когда узнает про машину. К тому же, придётся как-то объяснять, что Алёна её не разбила, не продала, а потеряла. Как можно потерять машину?

Одни несчастья... Вот и делай после этого карьеру. Сидела себе в кабинете и сидела, нет, понесло её за сенсацией.

В редакции её встретили настороженно. То есть, это Оксана с Серёгой уставились на неё с подозрением, ото всех остальных получилось отделаться рассеянной улыбкой, даже от Рыбникова, который углядел её в конце коридора и продемонстрировал кулак. А вот эти двое смотрели с прищуром.

– Так где ты, говоришь, была? – спросил Бурдовский. Алёна наградила его свирепым взглядом.

– У Дуси. Что ты хочешь ещё?

– О-о, – протянул этот любопытный с чувством и многозначительно переглянулся с Перевайко. Стало ясно, что они обсуждали Алёну между собой, скорее всего, как раз перед её приходом. – Кто тебя покусал?

Очки, между прочим, дорогие, подарок Дусиного супруга, были кинуты на стол, сумка упала рядом, а сама Алёна тяжёло опустилась в своё кресло. На Оксану посмотрела. Растянула губы в искусственной улыбке и уличила:

– Болтушка.

Перевайко тут же задрала нос, бурно подышала, после чего сказала:

– Алёна, мы волновались.

– Почему? Я что, настолько пропащий человек, только сама того не осознаю?

– Дура, – отозвался Бурдовский, правда, тон был куда спокойнее, чем минуту назад, – тебя могли если не убить, то морду тебе начистить.

Алёна в искреннем удивлении на него вытаращилась.

– За что?

– А то не за что! За кредиты, например. Разве тебя Петро не предупреждал, чтобы ты думала, прежде чем что-нибудь расследовать? А тебя хлебом не корми.

Пришлось сурово нахмуриться.

– Тогда я не знаю, как жить в стране, в которой журналист не может написать и слова правды.

– Он может, ты тому пример. Но иногда такие журналисты получают по зубам в какой-нибудь подворотне. У тебя, Золотарёва, зубов много?

– Знаешь что?.. – возмутилась Алёна и швырнула в этого предсказателя журналом. – За собой последи. Пишешь про страховки, вот и пиши!

– Да я и пишу.

– А мы, Алёна, – проникновенно добавила Перевайко, – на самом деле переживали. Ты могла бы позвонить.

– Не могла, – виновато проговорила Алёна, вздыхая, – не было возможности.

– Но у Дуси всё в порядке?

Серёга глаза закатил и взмолился:

– Ксанка, заткнись. Не была она ни у какой Дуси!

– Правда? – Оксана глазами хлопнула и снова на Алёну уставилась. – А где была?

– Если бы Артюхов вчера морду лица свою в этом кабинете не засветил, я бы спорил, что с ним.

Алёна пренебрежительно фыркнула.

– Ты за кого меня принимаешь?

– А что, скажешь, что он тебя ничуть не впечатляет? Ты же глаз с него неводишь, когда он рядом.

– Не свожу, – пришлось согласиться Алёне. – Но совсем по другой причине. Чисто профессиональные противоречия.

– Чихал он на твои противоречия, – усмехнулся Бурдовский, разворачиваясь к экрану компьютера. – Ты ему просто завидуешь.

– Как и ты, – не осталась Алёна в долгу. А когда Серёга на неё через плечо оглянулся, показала ему язык.

– А вот я не завидую, – тихо проговорила Оксана, размешивая сахар в своей чашке с чаем.

– А тебе-то чего завидовать? У тебя материала завались. За каждой второй пакостью в городе полтергейст стоит. Проверено.

– Серёж, ты чего такой злой сегодня? – заинтересовалась Алёна.

– Будешь тут злым, когда на тебя Беленького сваливают за четыре часа до сдачи материала.

Алёна замерла, виновато глядя на него.

– Извини.

– Твоим «извини» сыт не будешь, Золотарёва.

– Обещаю восполнить.

– Я запомню.

Тон его прозвучал скептически, и даже на заискивающую улыбку Бурдовский никак не отреагировал. Это было грустно, обычно на этот приём Серёга вёлся.

Позже Алёну к себе Рыбников вызвал. Разговор был не из приятных, её даже оправдываться не заставили, только прочитали долгую и нудную лекцию об ответственности, о серьёзности по отношению к работе, и её вечной привер-

женности к фантазиям в частности. Алёна молчала, вздыхала и стыдилась. В любой другой ситуации она бы с начальником поспорила, попыталась доказать, что он не прав, и не настолько она пропадающая. Очень даже серьёзная девушка, точнее, журналист, мечтающая сделать карьеру. Но сегодня в своё оправдание сказать было нечего, про усадьбу Кострова, а уж тем более про свою неудачную поездку туда и провалившиеся изыскания, решила молчать. Рыбников, наверняка, поперхнулся бы кофе, узнай, куда она без спроса влезла. А так как порадовать редактора было нечем, только лишь поведать о новых неприятностях, в которых она едва не увязла, Алёна решила хранить тайну. Будем надеяться, что всё обойдётся.

Будем надеяться, что у Фёдора хватит совести и человеколюбия не рассказывать про неё, прибывшему хозяину.

А телефон?..

Что ж, купит он себе новый телефон. Доказать, что она его украла, невозможно. И, вообще, она нисколько не воровка, просто обстоятельства так неудачно сложились.

– Золотарёва, ты меня слушаешь?

Алёна голову вскинула, уставилась на шефа честными глазами.

– Конечно, Пётр Алексеевич.

– Конечно, Пётр Алексеевич, – негромко и расстроено передразнил он её. Из-за стола своего поднялся, окинул Алёну оценивающим взглядом. – Горе ты моё, – неожиданно пожа-

ловался он, Алёна удивлённо посмотрела, а Рыбников тут же исправился: – В смысле, редакции. Когда ты только за ум возьмёшься.

– Пётр Алексеевич, да я готова. – Как-то нервно получилось сглотнуть. – Я обещаю, что больше не буду никуда влезать. Буду писать, что есть.

– Да? С чего такая щедрость?

Алёна поискала глазами пятый угол в его кабинете.

– Наверное, я взрослею.

– Ой ли. – Рыбников побарабанил пальцами по столу, продолжая приглядываться к Алёне. Всё-таки решил сменить гнев на милость. – Ладно. Иди. Пиши про фестиваль.

Алёна непонимающе моргнула.

– Какой фестиваль?

Рыбников лишь головой мотнул.

– Ты, вообще, не из нашего города, что ли? Фестиваль коллективов народного творчества. Между прочим, всероссийский. Ты ценишь мою заботу, Золотарёва?

Тут же кивнула, как солдат.

– Ценю.

– Я надеюсь.

Под взглядом редактора, Алёна принялась пятиться к выходу, осторожно делала шаг за шагом по мягкому ворсу ковра, до двери оставалась всего пара шагов, когда та за её спиной без стука открылась, и Алёна едва не подскочила от неожиданности, почувствовав за своей спиной кого-то.

Обернулась и в некоторой растерянности уставилась на Тараса. Тот тоже на неё смотрел, весьма заинтересованно, даже брови вздёрнул.

– Пропажа нашлась. Ты где была?

Рыбников, который к этому моменту уже успел вернуться за свой стол и собирался присесть в дорогушее кожаное кресло, так и не сел, застыл ненадолго в нелепой позе. Наблюдал, явно удивлённый тем, что Тарас Артюхов в принципе может быть осведомлён о том, кто такая Алёна Золотарёва, главное бедствие их редакции.

А Алёна кашлянула, чтобы вернуть себе способность говорить, а к Артюхову присмотрелась повнимательнее. Тот выглядел довольным, выспавшимся, ничто так явно не указывало на то, что он вчера или сегодня мотался по лесу под дождём. Значит, в Марьяново он не был? Или ещё не был?

– У меня возникли... семейные обстоятельства, – проговорила она, косясь на насторожившегося начальника.

– Понятно. – Тарас отвлёкся от неё, тоже на Рыбникова взгляд кинул, и совершенно панибратски у того поинтересовался: – Петь, время есть? Обсудить кое-что надо.

Рыбников лишь на кресло напротив себя рукой указал, а Тарас вдруг потянул Алёну за дверь. А Рыбникову сказал: – Через минуту вернусь.

Алёна оказалась в коридоре, дверь в кабинет начальства за её спиной захлопнулась, а она оказалась лицом к лицу с Тарасом. Который весьма странно к ней приглядывался.

– Что это тогда было?

– Когда? – Алёна даже испугалась немного от этого вопроса.

Артюхов голову на бок склонил, улыбнулся.

– В клубе.

– А-а. – Она выдохнула. – Извини меня, я очень торопилась.

– Куда?

– Я же сказала, семейные дела.

– Ты наешь, что ты очень странная?

– Знаю. Я горе этой редакции. Рыбников мне только что об этом со всем обстоятельством поведал.

Тарас хмыкнул.

– Ну, так сильно я бы не преувеличивал, но ты странная.

Алёна качнула головой.

– Это уже не звучит как комплимент.

– Это и не было комплиментом. Но я бы хотел это обсудить.

Алёна сделала вид, что безмерно удивлена.

– Мои странности?

– И их в том числе. Что ты делаешь в субботу?

– Пока не знаю. Когда у нас фестиваль?

– С двадцать пятого по двадцать девятое, – не задумавшись ни на секунду, отпрапортовал Артюхов, а Алёна мысленно приуныла. Наверное, ей на самом деле не хватает журналистской хватки, чутья. Тарас вон знает обо всём, что про-

исходит в городе, даже если его это напрямую и не касается. Он просто знает. А она лишь находит на свою пятую точку всё новые и новые неприятности.

– Вот видишь... В субботу я буду слушать народные песнопения.

Тарас снова усмехнулся.

– Идёт. Слушай. А вечером я тебе устрою моральную разгрузку. Ты не против?

Алёна осторожно пожала плечами, если честно, разглядывала Артюхова в некотором удивлении, не совсем понимая, с чего это ему пришло в голову за ней приударить. Может, так и надо поступать с мужчинами, сбегать после короткого поцелуя, чтобы сбить их с толка своей непредсказуемостью? Но если их, в данном случае Тараса, это заводит, почему бы ей не прояснить этот вопрос до конца и со всеми подробностями? Он ей всё же нравится... нравился когда-то, а сейчас она вполне готова об этом вспомнить. Мужчина он интересный, и целоваться с ним было приятно.

Не то, что с некоторыми. Которые только и умеют, что закручивать тебе за спину руки.

Но всё же вопрос с делом Костровых следовало осторожно прояснить.

– Я думала, ты занят будешь эту неделю.

Тарас, который стоял к ней совсем близко и загораживал спиной от проходящих мимо людей, едва заметно нахмурился.

– Чем?

– Работой. – Алёна нагнала в глаза побольше наивности. – Ты ведь говорил тогда про Кострова, я слышала.

Он помолчал, раздумывал, как реагировать, после чего улыбнулся. Улыбнулся легко, снисходительно, как глупому ребёнку.

– Я всё успею. – И Тарас отодвинулся от неё. И совсем другим тоном, более нейтральным, продолжил: – Меня не будет до выходных, но я обещаю позвонить тебе в пятницу. Идёт?

Алёна выдала бодрую улыбку коллеги, и не более того.

– Да, конечно. Я буду ждать.

Тарас её тон оценил и усмехнулся. Кивнул.

– Жди. – Приподнял ей пальцем подбородок. – И не пропадай больше. И не сбегай от меня.

Алёна ему улыбнулась, по-особенному.

– Не буду.

Он коснулся пальцем кончика её носа, подмигнул и вошёл в кабинет Рыбникова, а Алёна осталась стоять в коридоре. Улыбка с лица стёрлась. И ни о каком волнении или восторге говорить не приходилось. Кажется, Артюхов всерьёз считает её глупой девочкой, которая пока его забавляет.

А вот в Марьяново он точно не ездил.

Наверное, потому, что знает, когда «хозяин» появится. У Тараса везде связи, свои люди и стукачи. А она, дура, решила, что он работает на чистом энтузиазме, и попёрлась куда-то в ночь и дождь. А так дела не делаются, надо мотать

на ус.

К вечеру того же дня ещё раз столкнулась в коридоре с Рыбниковым. И тот так на неё глянул, что захотелось подбежать и поклесться, что у неё с Артюховым ничего нет, и не будет. Потому что поводом для всевозрастающего подозрения в глазах начальства, был именно Тарас, Алёна в этом не сомневалась. Но она подбегать и оправдываться не стала, решила, что это не дело Рыбникова, с кем она встречается в свободное от работы время, да и вообще, может быть это заставит некоторых позабыть о её возрасте и отсутствии опыта. Ведь Тарас – товарищ придиричивый, и раз он в ней что-то рассмотрел, значит, в ней что-то да есть? Не так просто, как кажется. Вот пусть все так про неё и думают.

А если честно, то в этот день Алёну мало заботили чужие взгляды и раздумья на её счёт. Взгляд Петра Алексеевича она встретила, обдумала, приняла решение, и быстро о нём забыла. Просто потому, что голова была занята другими, куда более важными мыслями. И предстоящий фестиваль народного творчества в голову никак не шёл. Вернувшись в кабинет, Алёна честно открыла сайт городской администрации, просмотрела программу проведения фестиваля, но не нашла в себе сил заинтересоваться. Народное творчество как-то не вдохновляло. Сорок коллективов со всей страны, представители разных республик и национальностей. Всё красиво, наверняка талантливо и организовано масштабно, то есть и освещение в прессе должно быть

соответственным, всё заранее обговорено и оплачено. А она, как представитель прессы, совершенно не заинтересовалась данной темой. Но это только её вина.

Пальцы сами по себе забегали по клавиатуре, ещё секунда-другая – и вот она уже пробегает по заголовкам сайтов. «Усадьба „Марьяново“ время постройки восемнадцатый век». Восемнадцатый...

Через час глаза заболели от напряжения. Алёна рукой оттолкнулась от стола и на кресле откатилась к небольшому окну с заваленным бумагами и журналами подоконником. В кабинете как раз никого кроме неё не было, даже Оксана куда-то запропастилась, что совсем не было на неё похоже, а Серёга ещё до обеда куда-то уехал и даже не звонил. И Алёна, не стыдясь и не переживая по поводу оправданий, вместо того, чтобы заняться поручением начальства, изучала доступную информацию об усадьбе, её владельцах, а потом как-то незаметно, в связи с упоминающейся фамилией Костровых тут и там, перешла на изучение их семьи. Не давали покоя намёки Фёдора на то, что Андрей Костров никакого прямого отношения к усадьбе Марьяново, как сам любил утверждать, не имеет. Но надо признать, что установить это доподлинно вот так, по средствам интернета, было невозможно. Или она не знала как. Возможно, если бы у неё было больше опыта и знаний... А пока оставалось лишь смаковать скандальные подробности, которые и без того вся страна за последние пару недель узнала.

Во-первых, усадьба. Из некоторых источников на самом деле следовало, что ей больше двухсот лет. Принадлежала она помещику Кривовязову, не сильно зажиточному, ему принадлежало не очень много земли и душ, но именно при нём усадьба приобрела тот вид, который сейчас так хотели сохранить, сначала областные власти, а затем и Костров. Кстати, он и заполучил дом и землю – между прочим, больше десяти гектаров земли, только на основании того, что смог доказать, что является прямым потомком помещика Кривовязова. Проследили всю генеалогическую ветвь, был созвана специальная комиссия по культуре и историческому наследию, этот вопрос решался на уровне тогдашнего губернатора и комитета по национальному достоянию. И если Фёдор прав, и Костров-старший попросту всех надул, то страшно подумать, каких денег ему это стоило. Ведь на сайте архива были выложены копии документов, подтверждающие его наследственные права. И если верить этим документам, становилось понятно, что в упадок усадьба пришла уже после революции. До этого приносила стабильный доход и считалась процветающей. На сайте архива даже удалось обнаружить пару фотографий столетней давности. У знакомого широкого крыльца позировали две девушки в длинных платьях с кружевными зонтиками от солнца. Они улыбались, держались за руки, а осанка у них была такая, что можно только позавидовать. Но Алёну больше интересовал дом. На этих фотографиях, пусть чёрно-белых и поблекших,

дом выглядел совсем, как сейчас. Те же окна, то же крыльцо, те же мраморные перила... Были на сайте и другие фотографии, тридцатых, шестидесятых, и уже девяностых годов, и вот там виделся кошмар. Разбитые окна, сильно выщербленные ступени крыльца, словно по ним кувалдой били, а вокруг дома заросли, лес буквально наступал на дом, и ощущение складывалось, что уже не спасти. Десятилетие назад, когда в стране вспомнили об исторической памяти, а конкретно в их области об усадьбе «Марьяново», и даже припомнили значимые дела некоторых её владельцев, было решено усадьбу спасать. После того, как в ней держали заключённых в двадцатых, устроили из неё сумасшедший дом в тридцатых, а затем и вовсе позабыли на несколько десятилетий, пока не решили разводить в доме бывшего помещика кур и свиней. И такое было, ближе к девяностым. Но денег на спасение нужно было прорву, а так тратиться область была не готова, вот тогда и решили усадьбу продать. Но сделать это не просто так, а с чёткими условиями дом восстановить, как историческую ценность. Вот тогда и объявился Костров. Он был не единственным желающим приобрести усадьбу, но у него оказалось несколько вполне конкретных доводов. Во-первых, он был родом из этих мест, родился, можно сказать, под стенами усадьбы. А во-вторых, предоставил доказательства того, что является внучатым племянником последнего владельца усадьбы, Петра Никодимовича Ставрова, который, в свою очередь, был прямым потом-

ком помещика Кривовязова, а его в области с некоторых пор принято было почитать и восхвалять его заслуги в культурном развитии тогдашней губернии. И больницы-то строил, и детей-то крестьянских грамоте обучал, а ещё он был театральным ценителем. Откуда это было доподлинно известно, не ясно, но никто уже не спорил, память о нём уважали, и поэтому о заброшенном доме на территории когда-то бывшей усадьбой, решили позаботиться.

Алёна долго изучала копии предоставленных документов, разбиралась кто кому в родне Костровых дядей приходился, а кто прадедушкой, но, если честно, это было настолько мудрёно, что запуталась она и потеряла родственную нить довольно быстро. Путанице способствовала и революция, значительно потрепавшая ряды Кривовязовых-Ставровых, и последовавшая за этим зачистка всяческих напоминаний о царском режиме и пережитках прошлого. Кто-то из Ставровых успел уехать за границу, кто-то пропал, кто-то сгинул в тюрьме. Да и говорить в те времена о своих барских корнях было непринято. Нарочно замалчивали, хранили тайну, и поэтому, по разумению Алёны, доказать, что ты потомок, в наше время лазерных принтеров, было не так уж и трудно. Вот у Кострова была бумажка, что его бабка в двадцать третьем году вышла замуж за Кострова Ивана Степановича. В Марьяново жила, до замужества фамилию имела Ставрова, и этого, по всей видимости, оказалось достаточным. С этого момента генеалогическое древо Костровых просмат-

ривалось достаточно чётко. Все они проживали в Марьяново, даже точный адрес был указан, и Алёна вполне допускала, что это тот самый второй дом от дороги, про который ей говорил Фёдор. И Андрей Константинович до своих полных восемнадцати лет проживал именно в этом доме. Пока в армию не ушёл. А после армии – завод, партийная направленность и быстрая переориентация в нужный момент. Костров взлетел именно в момент краха Советского союза.

Обо всём этом излагалось уже на другом сайте, городской администрации. В конце концов, ещё две недели назад, до вспыхнувшего скандала, Андрей Константинович был в области крупной политической фигурой, им гордились, его именем бравировали, и никто не сомневался, что Костров отстаивает интересы области и лично губернатора, своего давнего приятеля, в Москве, на самом высоком уровне. А сам Костров всегда с удовольствием и воодушевлением рассказывал о своей жизни, карьере, а в последние годы и своих предках-помещиках. Из восстановления усадьбы тоже секрета не делалось, и поскольку Андрей Константинович с энтузиазмом говорил о важности истории, родственной памяти и необходимости воспитывать детей на семейных ценностях, ему даже прощалось то, что за усадьбу он заплатил колоссальные деньги. Кажется, никто так и не спросил, откуда они у него взялись. При жизни Кострова-старшего его имя было неприкосновенно и практически свято. Зато сейчас припомнили всё.

На имя Андрея Константиновича Кострова Яндекс выдавал массу ссылок. Его работа, интервью, статьи в солидных газетах и журналах экономической направленности. С фотографий смотрел мужчина достаточно привлекательный, не смотря на возраст, неизменно в строгом костюме, о цене которого можно только догадываться. Из-за стёкол очков глаза смотрели серьёзно и даже вьедливо. Фотографий, как и ссылок, было очень много. В том числе, и со светских приёмов, иногда он даже в компании президента и премьера стоял. Просмотрев около сотни снимков, Алёна даже глаза закрыла, решив дать себе передышку. Потом она набрала имя сына Кострова, потом семьи. Имя Павла тоже мелькало, но в основном, рядом с именем отца. Ни фотографий, ни конкретных данных. Лишь возраст, да то, что у него имеется дом в Испании, и по этому факту его отцу пару раз задавали неудобные вопросы. А Андрей Константинович каждый раз нехотя признавался, что со старшим сыном у него отношения сложные, и о его частной собственности, если таковая вообще имеется, он знает мало. И никому не воспрещает выяснить истину. Об истине Алёна сведений не нашла, видимо, никто так это дело и не взялся раскручивать. Наверное, сейчас половина журналистов столицы локти кусает. Кострова-младшего разыскивают по факту крупных хищений, в которых неожиданно обвинили его отца, а никто не знает, где искать.

Зато у Кострова-старшего была жена и ещё двое детей,

правда, усыновлённых. Этот факт был неоспорим, потому что Андрей Константинович вот уже пятнадцать лет состоял в браке с Региной Ковалец, и к её детям точно никакого отношения иметь не мог, хотя поговаривали, что они встречались задолго до их официального бракосочетания. О, Регина Ковалец была легендарной женщиной. О ней было написано, сочинено и домыслено больше, чем о самом Кострове. Её первым мужем был знаменитый на весь мир танцовщик, Кирилл Ковалец, личность сколь знаменитая, столь же и скандальная. Регина и сама когда-то танцевала в Большом, ей пророчили мировую славу, в России она блистала. И в Европе блистала, и в Америке, но всё это закончилось очень быстро, причём по инициативе самой Регины. Вместо того, чтобы грезить о славе, она вышла замуж и почти сразу родила первого ребёнка. И с младенцем на руках ездила за мужем из города в город, на все гастролы, в тяжёлые девяностые став для него агентом и продюсером. В народе говорили, что это не он так хорошо танцует, это Регина так хорошо его продаёт. Но брак их закончился неожиданно и весьма скандально. Когда Регина готовилась подарить своему талантливому мужу вторую дочь, тот выдал финт, от жены ушёл, хотя, скорее сбежал. В Америку... к мужчине. В девяностые это ещё было поводом для серьёзного шока, и об этом говорили долго и с упоением. Но надо отдать Регине должное, она оказалась женщиной сильной, настолько, что даже фамилию при разводе менять не стала, так и осталась с вечным

напоминанием о муже-предателе. И рук не опустила. Да никто бы и не дал ей этого сделать, Регина была красавицей. Хрупкая блондинка с ярким взглядом, не исчезающей уверенной улыбкой, она даже в свои пятьдесят выглядела максимум на тридцать. Свежа, прекрасна, с королевскими повадками, почерпанными в Большом театре. Она была королевой, маленькая, но несокрушимая. Уже через год после бегства Ковальца из страны, Регина открыла свой продюсерский центр, который раскрутился мгновенно. Поначалу занималась балетными, потом круг её интересов расширился, но сама Регина больше не посмотрела ни на одного представителя творческой профессии. Она сменила приоритеты, и её взгляд перекинулся на политиков. С кем только её молва не сводила в те времена, и это были не просто разговоры, Регина сама об этом рассказывала в многочисленных интервью. Обо всех своих поклонниках и ухажёрах, гражданских мужьях, она говорила охотно, но неизменно с улыбкой и уважением, некоторые из них до сих пор были при власти, успев обзавестись семьями, чёрный пиар им был не нужен, и Регина это понимала. А потом в Москву переехал Андрей Костров, в то время мужчина в самом расцвете сил, подтянутый, холёный, их практически сразу начали видеть вместе, то на одном мероприятии, то на другом. Они держались за руки и не думали скрывать своих отношений. Костров уже много лет вдовствовал, и никаких тёмных историй, как сам уверял, в прошлом не имел. Отменная партия. Как он для неё, так

и она для него.

Алёна невольно заинтересовалась, разглядывала их совместные фотографии, даже семейные попадались, и на всех Регина и Андрей Константинович смотрелись сногсшибательно, даже после десяти, пятнадцати лет брака. Регина всё ещё ослепляла красотой, а Костров становился всё солиднее и благообразнее. И странно было думать, что Регина вновь оказалась втянутой в скандал, благодаря мужу. Один оказался геем и бросил её с двумя детьми, а другой, как уверялось, ставший настоящим главой семьи, влез в какие-то коррупционные схемы, и опять же оставил разбираться со всем жену, взял и умер. Регину было жалко, чисто по-человечески. Насколько она хороший человек, Алёне не узнать никогда, но наблюдая за её жизнью по страницам глянцевого журнала, она ею восхищалась. Как сильной женщиной. Такие встречались редко, даже в журналах и на экране телевизора.

И во всей этой картине жизни семейства Костровых отсутствовало лишь одно звено – Павел Костров. Его просто не было, нигде. Но при этом он был известен в их городе, и даже слыл «хозяином». Как это всё соединить воедино, Алёна не понимала. Пролистывала страницы с фотографиями, в надежде увидеть молодого мужчину, но ничего интересного не попадалось. Дочки Регины – да, странно, но обе были брюнетками, выше матери, видимо, пошли в отца. Старшая стала балериной, но танцевала в основном в Европе, а младшая жила в Москве и выучилась на врача-пе-

диатора. Весьма странный выбор при таких-то родителях. Журналисты спрашивали о детях время от времени, и у Регины, и у Андрея Константиновича, они охотно рассказывали, но не про старшего, причём единственного сына Кострова. Этот вопрос даже не мелькал, наверное, это контролировалось и тщательно редактировалось, прежде чем уходило в печать. А тут все вдруг вспомнили, что он живёт на свете. Только Регина продолжает упорствовать и ответов не даёт. Даже заявила, что сын Андрея Константиновича не мог присутствовать на похоронах отца по крайне серьёзным обстоятельствам, которые не подлежат разглашению и обсуждению.

– Если Павел сочтёт необходимым, он сам всё разъяснит в своё время. У меня комментарии нет, – заявила она в свойственной ей сдержанной манере. Губы раздвинулись в скорбной улыбке, так подходящей новоиспечённой вдове, в глазах мелькнуло сожаление, и вот она уже надела тёмные очки и пошла прочь от журналистов, которые щёлкали ей вслед затворами фотоаппаратов.

Вот так вот, надо уметь держать лицо. В любой ситуации. Никто не умеет делать это так искусно, как Регина Ковалец.

– Золотарёва, ты работаешь?

Алёна поспешила выпрямиться, потому что, как оказалось, она уже некоторое время сидела, навалившись на подоконник и задумавшись. Растерянно взглянула на Рыбникова, который заглянул в кабинет, и поспешила кивнуть.

– Конечно, Пётр Алексеевич.

– Ну-ну, я завтра проверю.

Алёна осторожно выдохнула, когда редактор дверь захлопнул, посмотрела на экран компьютера и решительно закрыла все ссылки. Она опять не о том думает, не о том.

Следующим утром проснулась ни свет, ни заря. За окном вовсю солнце сияло, часов с пяти, наверное, сияло, яркий свет проникал сквозь неплотно задёрнутые шторы, а встать и задёрнуть их, было безумно лень, не смотря на то, что Алёна лежала без сна и смотрела в потолок. Но не просто безумно тарасилась, она раздумывала над той информацией, что вчера удалось собрать. Понятно, что ничего толкового и результативного, но Фёдор, скорее всего, сам об этом не догадываясь, натолкнул её на верный путь. Очень захотелось разобраться с этой усадьбой, точнее, с её владельцами. Если ей это удастся, то это может стать сенсацией, по крайней мере, в масштабе области. Оставим героизм мужчинам, пусть Тарас разыскивает и ловит Кострова-младшего, ему больше пристало лазить через заборы, Алёна это для себя уяснила, а она займётся историческими изысканиями. Нужно только найти лазейку.

И, кажется, лазейка была. И когда Алёна вспомнила про свою однокурсницу, Ленку Самохину, приободрилась настолько, что лежать больше не смогла, и поднялась с постели за полчаса до звонка будильника. Такое с ней случилось крайне редко, что скрывать. Близкими подругами они с Ленкой никогда не были, что не мешало им приятельствовать. И если в институте они общались в разных компани-

ях, то после несколько раз сталкивались по работе, Ленка подвизалась в их редакции переводчиком. Журналистом так и не стала, к тому же, вскоре после окончания института вышла замуж и родила близнецов, и теперь сидела дома, время от времени подрабатывая переводами. То тут, то там. И если «тут» – было их родной редакцией, то «там» Алёну как раз и интересовало. Она вдруг вспомнила, как Самохина рассказывала о заказах для краеведческого музея. А где, если не в краеведческом музее выяснять то, что происходило в их области сто лет назад? Наверняка, у них и документы есть, подлинные, и, если очень повезёт, ей позволят на них взглянуть и при необходимости, на них сослаться.

Едва дождалась восьми утра, чтобы позвонить. И то, не была уверена, что её не пошлют лесом в такую рань. Но голос Самохиной в трубке звучал вполне себе бодро.

– Я тебя не разбудила? – осторожно поинтересовалась Алёна.

– Разбудила? – Лена в задумчивости хмыкнула. – Мы с Вадиком забыли, что значит спать. У близнецов зубы режутся.

– О, сочувствую.

– Очень сомневаюсь. Чего ты хочешь?

– Лен, а ты на краеведов до сих пор работаешь?

– Ну, было недавно. Перепиской на французском занималась. А что? Тебе тоже надо?

– Мне надо узнать, к кому мне обратиться. Так, чтобы меня не отфутболили. Тема появилась, нужны записи из архи-

ва.

– У Рыбникова кругом знакомые, пусть позвонит директору.

В этом месте Алёна вздохнула.

– Это не редакционное задание.

Самохина усмехнулась.

– Решила показать себя?

– Хотя бы попробовать. Лен, я мхом порастаю. Ты можешь помочь?

– Могу позвонить кое-кому, но ничего не обещаю. Что именно тебя интересует?

– Усадьба «Марьяново».

На название Самохина никак не отреагировала, пообещала позвонить, когда что-нибудь сможет узнать. А Алёна улыбнулась своему отражению в зеркале. День начинается весьма неплохо.

Эта мысль её оставила ровно в тот момент, когда Алёна вышла из подъезда. Вышла и остановилась на крыльце, глядя на свою, точнее, на Дусину машину, припаркованную у тротуара. Она стояла, как ни в чём не бывало, кажется, даже сверкала помытыми боками, а Алёна судорожно сглотнула. Сделала шаг назад, обратно в подъезд, но тут же себя одёрнула. Какой смысл прятаться? Да и от кого? В машине ничего не было. Но Алёна на всякий случай оглядела двор. Ни одного человека, и даже машин незнакомых не наблюдает-ся. Практически все места для парковки пусты, жильцы уже

успели разъехаться на работу. А её машина стоит, и этим не просто тревожит, а безумно пугает.

Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя на столько, чтобы к автомобилю подойти. Осмотрела его, заглянула в салон через окно, затем рискнула дёрнуть ручку. Машина оказалась заперта. Зато за дворником увидела записку. Как же ей не хотелось её читать, кто бы знал. И возвращённая машина радостью совсем не была. Алёна предпочла бы её больше не видеть. Мысленно уже с ней простилась, как раз сегодня вечером собиралась позвонить Дусе и сознаться в своём ротозействе, заодно совета попросить, как поступить дальше и куда заявить о пропаже, и вот, пожалуйста. Сюрприз...

«Машина на ходу, ключи в почтовом ящике. Привет из Марьяново», было написано на небольшом листке. Без конкретной подписи. Но Алёна была уверена, что это Фёдор побеспокоился. Замечательно, он знает, где она живёт.

Ключи на самом деле оказались в почтовом ящике. Алёна их забрала, заодно и кипу рекламных газет и проспектов. Замерла в сомнении на площадке между этажами, после чего сплунула с досады и заторопилась вверх по лестнице, снова в квартиру. Газеты были брошены прямо на пол в прихожей, а она сама прошла на кухню, приподнялась на цыпочки перед высоким под потолок холодильником и пошарила наверху рукой. Телефон лежал на месте. А ведь она поклялась, что забудет об этом неприятном факте в своей биографии,

о воровстве.

Хотя, это и не воровство совсем, это так... необходимость. Она им даже не воспользовалась!

Наверное, именно это она Фёдору и скажет. Наверняка, в записной книжке есть номер, с которого она сможет на него выйти. Позвонит, поблагодарит за машину, за беспокойство, покается за одолженный телефон... И, возможно, всё обойдётся. Ссориться с этими опасными типами из Марьяново, в камуфляже и с оружием, как-то не хочется. Потом будешь полжизни ходить по улице и оглядываться.

– Серёж, ты можешь телефон разблокировать?

– Ты телефон заблокировала?

– Не я. – Алёна присела за свой рабочий стол, делала вид, что чрезвычайно занята подготовкой к рабочему процессу, компьютер включала, бумаги перекладывала, а на самом деле всячески избегала прямого взгляда Бурдовского. – Нашла телефон во дворе, хотела хозяину позвонить, а он заблокирован. Можно с этим что-то сделать?

– Себе оставь, – предложила Оксана, вынув на минутку изо рта леденец на палочке. Кстати, она обожала всю эту детскую дрянь. Постоянно что-то сосала или жевала. Её стол был завален яркими обёртками.

Алёна осуждающе на неё взглянула.

– Зачем мне чужой телефон? У меня свой есть.

– А, может, этот лучше!

– Оксана, перестань.

– Я вот никогда мобильные не находила, а все кругом находят. Странно.

– Давай посмотрю, – предложил Серёга, и Алёна, с некоторой неохотой и опаской, но всё-таки протянула ему телефон. Правда, результата никакого не последовало, Бурдовский проделал с ним ровно то, что и Алёна вчера утром, затем нахмурил лоб и посоветовал:

– Отнеси Мишке Иванову в техотдел. Он разбирается.

– Да? Хорошо, отнесу. – И из-за стола поспешно поднялась.

– Ты сейчас пойдёшь?

– А что?

– Да ничего. Просто ты странная, нервная какая-то. Что-то случилось?

– У меня проблемы с машиной, – сказала Алёна, даже для себя до конца не определившись – правда это или ложь. Вчера, когда машина была потеряна, казалось, что проблем никаких нет, а сегодня, получив автомобиль целеньким, на ходу и чистым, проблем выявился целый ворох. Парадокс.

Телефон пришлось оставить Иванову. Так сразу он ничего сделать не смог, но пообещал помочь. Алёна его поблагодарила, хотя оставлять аппарат в его руках, без пригляда, почему-то не хотелось. Но делать нечего, пришлось ещё раз поблагодарить, и из техотдела выйти. Постояла в коридоре, затем подошла к окну, вспомнив, что отсюда отлично видна стоянка, и нашла взглядом свой автомобиль. Почему-то хо-

телось на него смотреть. Будто в нём ещё какое-то послание для неё зашифровано, просто она ещё не до конца разобралась.

Ближе к обеду позвонила Самохина.

– Записывай номер телефона и имя. Ты пишешь?

Алёна развернулась на стуле, придвинула к себе блок для записи и схватила карандаш.

– Пишу, пишу.

– Никодимов Борис Африканович.

Алёна невольно фыркнула.

– Чего?

– Чего, чего, Золотарёва! Африканович. Папа у него был – Африкан. Не вздумай заржать, когда с ним общаться будешь, дядька серьёзный.

– Бог ты мой... Ладно, давай номер.

Ленка продиктовала номер и начала объяснять:

– Он в архиве работает. Доктор исторических наук, жутко занудный, но знает, кажется, каждую бумажку. И с Марьяново тебе поможет.

– Что мне ему принести? Коньяк, виски?

– С ума сошла? Говорю же, дядька серьёзный.

– Денег, что ли, дать?

Самохина неопределённо промычала, после чего сказала:

– Не знаю, если честно. Намекнёт – дашь, но, думаю, он будет рад свободным ушам, и только. Так что, наберись терпения.

– Ладно, Лен, спасибо огромное.

– Мякни, когда статья выйдет. Я почитаю.

Алёна вздохнула.

– Если выйдет. Ты же знаешь Рыбникова. Он губитель моего вдохновения.

Ленка посмеялась и отключилась, а Алёна тут же набрала номер Африканыча. Первый раз такое отчество слышала.

Но Борис Африканович на самом деле оказался дядькой серьёзным. Внимательно её выслушал, не перебивая, и молчал после долго, Алёна уже успела махнуть на всё рукой, от повисшей неловкости вставляя одно лишнее слово за другим, но затем ей благосклонно разрешили приехать в архив, чтобы обсудить всё лично.

– Только скажите, что именно вас интересует, – попросил историк.

– Наверное, записи рождения за начало прошлого века. Это возможно?

Никодимов замялся.

– Для этого вам потребуется специальное разрешение. Но я подумаю, что можно будет сделать.

– Замечательно. Спасибо большое, Борис... Африканович.

– Алён, обедать пойдёшь? – спросил, заглянувший в кабинет Бурдовский.

– Пойду.

До встречи с Никодимовым оставалось полтора часа. Как

раз достаточно, чтобы съесть салат и булку с чаем.

– Знаешь, за что я тебя люблю, Золотарёва? – спросил Серёга, уплетая столовский борщ.

Алёна остановила на нём взгляд и удивлённо вздёрнула брови.

– А ты меня любишь?

– Образно говоря.

– А-а... И за что?

– За то, что ты любишь поесть.

Алёна замерла, перестала жевать булку.

– Вот спасибо. По-твоему, я обжора?

– Нет. Ты просто любишь поесть. И при этом вот такая, – Серёжка показал ей свой мизинец.

– У меня обмен веществ хороший, – угрюмо проговорила Алёна, совершенно не проникнувшись намёком на комплимент с его стороны.

– Я про то и говорю. С тобой приятно в ресторан ходить. Правда, дорого.

Алёна под столом его от души пнула, а Бурдовский засмеялся.

– Ты никогда меня в ресторан не приглашал, так что не жалуйся. А теперь даже если пригласишь – не пойду.

– Ладно, ладно. Ешь булку.

Алёна посверлила его взглядом, после чего откусила от калача, размером с луну. Кругом неприятные личности, только и ждут, когда гадость сказать.

На стоянке не повезло, попалась на глаза Рыбникову. Тот стоял у своего новенького «Лексуса», был занят своим телефоном, но Алёну всё равно заметил. Складывалось ощущение, что у него внутри магнит на неё настроен, в какую бы сторону Алёна от него не поворачивала, Пётр Алексеевич тут же поворачивался следом.

– Ты куда? – строго спросил он.

От его тона захотелось ему по-военному козырнуть.

– По делу. По поводу статьи, – заверила его Алёна.

– Про фестиваль?

Бодро покивала.

– Да, поеду, осмотрюсь, там декорации выставляют.

Рыбников устремил на неё въедливый взгляд, поджал губы, но затем кивнул. Но всё же не удержался и погрозил пальцем.

– Смотри у меня.

– Я смотрю, Пётр Алексеевич, – заверила его Алёна и поторопилась сесть в машину.

Архив краеведческого музея располагался... скажем так, не слишком удобно. Далеко не в центре. Как сказал бы добрый Бурдовский: в попе мира. Самая окраина города, здания все старые, как раз той эпохи, что Алёну интересовала, некогда статные, а сейчас медленно разваливающиеся. Красный кирпич на фасаде крошился и облетал, окна в старых деревянных рамах смотрелись чёрными пыльными дырами, зато двери везде новые, железные, напоминающие сейфовые.

Что выглядело странно и чуждо. К чему такие двери, если можно пихнуть рукой окно рядом, и оно вылетит. Но вывески тоже новые, радующие глаз, с золотыми буквами. И если сам Краснодевичий переулок Алёна искала долго, катаясь туда-сюда по ухабистой дороге, то здание архива, благодаря вывеске, нашла тут же. Припарковалась рядом, вошла в тёмный, мрачный холл, ощутила влажную прохладу, исходящую от каменных стен и поёжилась.

– Я вас слушаю, – сказал то ли охранник, то ли консьерж в стёганом жилете.

– Здравствуйте, я договаривалась о встрече с Борисом Африкановичем.

Мужчина равнодушно кивнул.

– Он предупреждал. Проходите, поднимайтесь на второй этаж. Вторая дверь налево.

– Спасибо, – пропела Алёна и едва ли не бегом заторопилась на второй этаж по широкой лестнице.

Борис Африканович Никодимов оказался очень серьёзным мужчиной ростом чуть выше английского бульдога. Маленький, лысенький, щуплый, зато с невероятными интонациями в голосе, как будто всё на свете зависело именно от него. На его голос Алёна обратила внимание ещё когда по телефону с ним разговаривала, и нарисовала себе в воображении седовласого профессора солидной комплекции, а в реальности всё оказалось куда удивительнее. И голос, и отчество создавали явное противоречие с внешностью Ни-

кодимова. Что его совершенно не смущало, и стоило Алёне войти в его кабинет и представиться, он тут же взял её в оборот.

– О Марьянове можно много говорить. Очень интересное место!

– Правда? – Алёна плюхнулась на свободный стул и приготовилась слушать. Обратила внимание на то, что Никодимов лично её удостоил лишь беглым, абсолютно равнодушным взглядом, зато, когда заговорил об истории, глаза у него загорелись. Он встал из-за стола, став при этом лишь немного выше, и принялся ходить по забитому мебелью и бумагами кабинету, время от времени взмахивая руками.

– Я лично никогда этой темой всерьёз не занимался, хотя мысль такая была. Но в то время усадьба была заброшена, однажды мы со студентами дошли до дома, это был настоящий поход. Но там были настоящие заросли, дом разваливался и плохо пах. Кажется, там даже обретались бомжи.

– Бомжи? – Алёна вспомнила дом, великолепное крыльцо, и никак не могла представить полную запущенность и заброшенность. Но так было, между прочим, совсем недавно.

Никодимов закивал.

– Да, да. Там было неприятно находиться. Но это было в конце девяностых, больше я там не был, и от работы по этой теме отказался. Я тогда собирался защищать диссертацию. А сейчас это частная территория.

– Об этом я знаю. Я там была недавно.

Борис Африканович остановился и уставился на неё.

– Правда? Что вы там делали?

Алёна посмотрела за окно.

– Я была там по работе. Я же журналист.

– Ах, да. И как дом?

Она улыбнулась.

– Великолепен.

Никодимов ненадолго призадумался, видимо, стараясь решить что-то для себя. После чего кивнул в сторону и вернулся за стол.

– Что ж, наверное, так лучше. Пусть частная территория, но зато дом привели в порядок. Жаль, что туда не допустили нас. Возможно, мы бы смогли узнать что-то новое... А они просто всё отреставрировали.

В его голосе прозвучала неподдельная печаль. Алёна наблюдала за расстроенным маленьким профессором, и, в итоге, рискнула предложить:

– Может, вам стоит обратиться к новым хозяевам? Возможно, они позволят осмотреть территорию.

Никодимов рассеянно покивал, и, кажется, улетал в своих мыслях всё дальше и дальше.

– Возможно, возможно.

Алёна кашлянула, привлекая его внимание. Борис Африканович моргнул, его взгляд переместился к её лицу, и Никодимов более осознанно поинтересовался:

– Так что именно вас интересует?

– Всё, – ответственно заявила Алёна. – Дом, усадьба... хозяева. Но больше меня интересует всё, что касается начала прошлого века. Как они пережили революцию, кто не пережил. Предки Кривовязовых – Ставровых. Возможно, кто-то до сих пор живёт поблизости. Я бы с ними встретилась.

– Ох, девушка...

– Я видела фотографии дома на сайте архива. У вас есть подлинники?

– Конечно, есть. Но они все в закрытом доступе. Из-за их старости и ветхости. Мы, знаете ли, делаем всё, чтобы сохранить историю. А усадьба Марьяново, не смотря ни на что, является исторической жемчужиной нашей области. Единственный уцелевший дом, по-настоящему уцелевший. По области всего три усадьбы царских времён, каждая по-своему ценна и уникальна, но дома там полностью перестроены. Есть планы, макеты, фотографии, раскопки производились, воспоминания собирались по крохам и записывались. Никого из очевидцев уже не осталось. И поэтому Марьяново уникально. Но владельцы...

– Что вы думаете про Кострова? – спросила Алёна в лоб. Никодимов сдвинул брови.

– Про Кострова?

– Он заявляет, что он прямой потомок владельцев усадьбы. Это правда?

Борис Африканович побарабанил короткими пальцами по столу.

– Почему нет? Насчёт прямого я бы залога не дал, но то, что правнук, одна из ветвей семейства...

– Но это как-то можно проследить? По архивным записям?

– Это трудоёмкий процесс.

– Я понимаю. Но разве вам самому не интересно? Установить истину?

– А что это изменит? Усадьба продана.

– Говорят, что уже перепродана.

– Правда? – Никодимов, не скрываясь, вздохнул. – Что ж, «о времена, о нравы»...

– А я могу сама посмотреть документы? Я хочу написать об усадьбе.

– Об усадьбе или о Кострове?

Такого провокационного вопроса Алёна от него не ожидала, и в первый момент растерялась, а Борис Африканович ещё и смотрел на неё пытливо и с умыслом.

– Обо всём, – сказала ему Алёна. – Я хочу написать обо всём.

Никодимов потёр подбородок.

– Я не обещаю вам закрытых документов, но если вас интересует сама усадьба, то смогу с этим помочь. Документов уйма. А уж что вы среди них в итоге найдёте... кто знает.

Наверное, это стоило расценивать, как удачное завершение разговора. Поэтому Алёна кивнула и благодарно улыбнулась.

– Когда можно это сделать?

– Я вам позвоню.

– Спасибо. Очень вам благодарна.

Но на этом визит в музейный архив не закончился. Борис Африканович решил провести для неё ознакомительную экскурсию, и следующие сорок минут Алёна терпеливо слушала его лекцию об усадьбах области. Её даже провели в другой кабинет, более просторный, и показали отсканированные снимки старых фотографий. На каждой были дома, на некоторых люди. Алёна неожиданно для себя заинтересовалась, слушала про Ерофеево, про Боярово и Скудлово, и даже про Марьяново ей профессор немного рассказал.

– Вот на этих снимках очень хорошо виден дом. Только сбоку. Вот левое крыло и кухня. Здесь жила обслуга.

Да, именно в этой кухне ещё позавчера Алёна и пила чай.

– А это фотографии, которые музею пожертвовали жители деревни. Культурной ценности они не представляют, чьи-то дальние родственники, но зато, видите, на этой отлично видна дорога на Марьяново и двуколка.

– Какой это год?

– Пятнадцатый. Незадолго до революции.

– Удивительные ощущения.

Борис Африканович кинул на неё любопытный взгляд, после чего согласился.

– Да, удивительные.

– Может, там и клад какой зарыт?

Профессор сдержанно улыбнулся.

– Не слышал. Ставровы были зажиточными, как сейчас бы сказали, состоятельными, но чтобы клады зарывать? Знаю только, что когда пришли большевики, всё более-менее ценное из дома было вывезено.

– Значит, Ставровы успели уехать?

– Из усадьбы – да. А уж как сложилась их судьба дальше, никто не знает. Возможно, смогли выбраться из страны, возможно, нет. На момент революции у Ставрова Кузьмы Афанасьевича было пятеро детей. Трое сыновей и две дочери. Их фотографию вы как раз и могли видеть на сайте архива. Из пятерых детей известна судьба только двоих. Старший сын был расстрелян в восемнадцатом году большевиками, а младшая дочь, ей тогда едва исполнилось семнадцать, была отправлена отцом к родственникам в Саратов. Уж что с ней стало там, установить не удалось, к сожалению.

– А остальные?

Борис Африканович пожал плечами.

– Возможно, Костров и имеет к ним отношение. Кто знает. Времена были смутные. Могли поменять фамилию, старшая сестра могла выйти замуж, могли уехать из губернии, а позже вернуться. Вряд ли возможно установить доподлинно. Говорить о своих родственных связях было опасно.

И, надо думать, именно этим Андрей Константинович в своё время и воспользовался.

– Я знаю, что он родился в Марьяново. В деревне. Второй

дом от дороги, – заучено повторила она. – Это ведь может помочь?

– Точный адрес знаете?

– Нет. Но узнаю.

– Тогда встретимся и поговорим.

В ответ на это обещание, Алёна широко улыбнулась, а профессору протянула руку.

– Спасибо вам большое, Борис Африканович. Мне было очень интересно.

– История она, вообще, такая, интересная, – вроде бы пошутил он, и на этом они распрощались.

Конечно, по-хорошему, не мешало бы самой съездить в Марьяново, в деревню, в смысле, и поговорить с жителями. Зайти в тот дом, осторожно поспрашивать, вдруг всплывёт что-нибудь интересное. Но с другой стороны, возможно, тот дом, второй от дороги, до сих пор принадлежит Кострову или его родственникам, и тогда о её интересе быстро станет известно. И что она тогда найдёт на своём пороге, не считая машины, большой вопрос.

В редакции ей ещё в коридоре сообщили, что её искал Мишка Иванов. Признаться, за всеми этими историческими изысканиями, Алёна о телефоне Фёдора успела позабыть. А тут понеслась в техотдел.

– Ну что, получилось? – спросила она с порога.

– Пришлось постараться, но я его взломал.

– С меня шоколадка.

Мишка поднял на лоб очки и посмотрел на неё, Алёна тут же сдалась под его взглядом.

– Хорошо, хорошо, банка кофе.

– То-то же. – Он положил перед ней телефон. – Держи. Я его даже подзарядил малёк, а то грозил вот-вот сдохнуть.

– Миша, ты супер-человек.

– Ага, – отозвался тот равнодушно и от Алёны отвернулся.

Смешно, но заставке телефона оказалось фото Роско. Это отчего-то умилило. Чтобы не возвращаться в кабинет, побыть одной, собраться с мыслями и не привлекать внимание своей взволнованной физиономией, Алёна дошла до буфета, устроилась за столиком в самом углу, и пока пила чай, сверлила телефон взглядом. Сеть сим-карта не определяла, видимо, её успели заблокировать, что, в принципе, не удивляло, но информация-то была в телефоне. Открыла записную книжку, пролистала. Потом ещё раз. Список был нескончаемым, но непонятным. Многие мужчины так записывали свои контакты, какими-то только им понятными обозначениями. Но были и имена, а также городской номер с указанием «Марьяново». Вот по нему и следовало позвонить.

– Алёна, ты что так хмуришься? – спросила её буфетчица, которая подошла, чтобы протереть соседние столы.

– Да так, Ирина Петровна, дела да заботы.

– Съешь котлетку, легче станет.

Алёна на буфетчицу посмотрела, встретила открытую улыбку, потом головой качнула.

– Нет, боюсь, в этот раз не поможет.

Думается, что Фёдор ей весь аппетит сейчас отобьёт.

К телефону долго никто не подходил. Алёна даже сбросила вызов и набрала снова. И вот тогда уже услышала мужской голос, отрывистый, неприятный и незнакомый. Кашлянула в сторону.

– Здравствуйте. Это Марьяново?

– Марьяново.

– А я могу поговорить с Фёдором?

– С кем?

– С Фёдором, – уже не так уверенно повторила Алёна, а в голове мелькнула мысль, что сторожа вполне могли уволить, если узнали, что она сначала влезла на территорию, а потом от него сбежала.

А мужчина на другом конце провода спросил у кого-то в сторону:

– А кто у нас Фёдор?

Алёна старательно прислушивалась. В трубке наметился шорох, потом её попросили подождать, а спустя короткий промежуток времени в трубке послышался знакомый голос.

– Слушаю.

Вот после этого «слушаю», у неё мороз по коже пошёл. Из головы вылетели все мысли, растерялись все слова, и припомнился тот поцелуй, который и поцелуем-то назвать было нельзя. Она от него в ночь сбежала.

Выдохнула и сказала первое, что в голову пришло:

– Спасибо за машину.

Пауза, затем смешок.

– Привет, привет, солнышко. Я уж не чаял тебя услышать.

– Я позвонила только «спасибо» сказать.

– Это очень мило с твоей стороны.

– Не слишком. Как вы узнали, где я живу?

– А это не я. Для этого существуют другие люди.

Алёна невольно насторожилась.

– Какие люди?

– Которые умеют искать беглянок. Как машина, бегают?

– Да.

– Ну и замечательно.

– А что за люди? – Ей не давал покоя этот вопрос.

– Алёна, не задавай глупых вопросов. Ты же журналист.

Опытный.

Она обиделась.

– Совсем не обязательно надо мной смеяться.

– А кто смеётся? Смелась ты вполне профессионально.

Мы только все ахнули.

– Кто все?

Фёдор, кажется, вздохнул.

– С тобой трудно разговаривать, когда тебе чувство юмора отказывает. Так ты звонишь поблагодарить?

– Да.

– И спросить ничего не хочешь? – Он откровенно посмеивался.

– Нет. Я... извиниться хотела.

– Да я уже простил. Сбежала на самом интересном месте.

– Я не об этом! Я о телефоне.

– Каком телефоне?

– Твоём. Извини, что я его взяла у тебя из кармана. Но мне нужно было вызвать такси, а мой был разряжен. Но я, честно, им не пользовалась. Он же запаролен был. Я просто сейчас позвонила, чтобы извиниться и... Я могу его передать... как-то.

В трубке повисла тишина. Затем Фёдор без всякой игри-
вости в голосе переспросил:

– Ты его разблокировала? Как?

– Знакомого попросила... Фёдор, я могу переслать вам его с курьером. Или с кем-то из знакомых.

Он молчал. Молчал, и это было странно и всё более неприятно.

– Я думал, я его в лесу потерял, – признался он, наконец. Чёрт. Можно было не сознаваться. Но кто же знал?

– Ну вот, – притворно воодушевлённо проговорила она, – не потеряли. Это здорово, да?

– И не говори. Я в восторге.

– Так что, как его отправить?

– Не отправляй. Я сам заберу. На днях.

Вот уж счастье.

Алёна неловко кашлянула.

– Сам?

Он, кажется, снова развеселился.

– А что, свожу тебя в кафе, мороженого поесть. Ты любишь мороженое, Алён? – Она молчала, и Фёдор её поддразнил: – Любишь, я уверен.

– Перестань, – попросила она негромко.

– До встречи, красавица. И сделай одолжение, не потеряй мой телефон. Я только обрадоваться успел.

Надо было выкинуть этот телефон, в реку. И не было бы проблем.

– Алёна!

Её окликнули на автостоянке, Алёна, если честно, не в первый момент среагировала. Остановилась у своей машины, повернула голову и тогда уже заметила Артюхова. Удивилась. И насторожилась. Настолько, что позабыла о чужом телефоне, который всё ещё сжимала в руке. Так и не положила его в сумку, дошла до кабинета, забрать свои вещи, потом вышла из здания, и всё ещё сжимала его в ладони. А сейчас, увидев Тараса и вовсе руку за спину спрятала. Потом вспомнила, что надо улыбнуться.

– Привет. Ты вернулся? А говорил, что не раньше пятницы.

Тарас подошёл, улыбнулся ей, хотя это было больше похоже на усмешку. Посмотрел на её машину, взгляд любопытный. А затем уже ответил, причём весьма небрежно:

– Интересной поездки не получилось.

– Правда? Что пошло не так?

– Всё пошло не так.

– Он не приехал?

Этот вопрос был лишним, и Алёна это поняла. Даже заметила, что Артюхов недовольно поморщился.

– Чёрт бы с ним. Не я, так полиция найдёт.

– Это да...

– А ты домой? – Кивнула. – Выпить не хочешь? Или поужинать?

Алёна постаралась незаметно сунуть телефон в карман брюк.

– А ты хочешь меня пригласить?

– Тебе кажется это странным?

Она только плечами пожала, а Тарас рассмеялся и вдруг запросто обнял её за плечи. При этом повёл прочь от её автомобиля.

– Пойдём. После долгого дня иногда просто необходимо расслабиться.

– И часто ты так? – спросила она, привыкая к его руке на своих плечах. Правда, привыкать долго не пришлось, уже спустя минуту она сидела в его машине.

– Что?

– Расслабляешься.

– Бывает. А ты?

Она покачала головой.

– Нет.

– Молодая, красивая девушка не любит развлекаться?

Алёна посмотрела в окно машины. Подумала и призналась:

– Меня воспитывали в строгости.

Артюхов кинул на неё заинтересованный взгляд.

– О, это уже интересно.

– Не слишком.

– Алёна.

Она повернула голову и посмотрела на него.

– Что с тобой сегодня?

Алёна помолчала, раздумывая, что же с ней сегодня. Пришла к выводу, что на самом деле слишком задумчива и улыбаться ей трудно, и даже причину этому выявила довольно быстро – разговор с Фёдором. Может, не стоило ему звонить? Надо было всё-таки выбросить телефон в мусорку и забыть обо всём.

– Наверное, мне на самом деле нужно отвлечься. В последние дни у меня от работы голова кругом.

– Теперь из-за фестиваля? Солнышко, ты, по-моему, чересчур ответственно подходишь к каждому заданию.

– Не зови меня солнышком, – попросила она.

– Не нравится? – Тарас даже рассмеялся.

А Алёна серьёзно сказала:

– Нет.

В клуб её Тарас не повёз, что Алёну порадовало. Не то настроение было для громкой музыки и чужих зажигательных танцев. Они приехали в ресторан, где их встретил метрдотель, при этом поздоровался с Тарасом за руку и обменялся с ним парой дружественных фраз. Алёна наблюдала за всем этим со стороны, за их улыбками, дружескими похлопываниями по плечу, встретила довольный взгляд Тараса, и в этот момент поймала себя на мысли, что он совсем не такой, каким она его себе представляла. Наблюдая за Артю-

ховым издалека, он казался ей очень серьёзным, да, немного заносчивым, но знающим себе цену, а сейчас... на одно мгновение он предстал перед ней мальчишкой, который наслаждается тем, что у него есть. Правда, справедливости ради не надо забывать о том, что всего, что у него есть, он добился сам, за годы работы, несомненно, талантом, и теперь имел полное право выжимать из ситуации максимум пользы для себя. И он отлично знал, как обращаться с женщинами, чем их соблазнять и что обещать. И, наверное, если бы не эта ситуация, связанная с семейством Костровых, в которую Алёна по случайности влезла, она смогла бы оценить происходящее по достоинству, и ей бы в голову не пришло приглядываться к Тарасу столь пристально и придиричиво, она просто наслаждалась бы происходящим. Тем, что её заметил сам Артюхов. Что Тарас, недостижимый и непревзойдённый, кажется, решил поухаживать именно за ней. Пренебрёг своими принципами не заводить отношения на работе, что, конечно же, повергнет в шок всю женскую часть их редакции, и заинтересовался ею – Алёной Золотарёвой. Всенародным бедствием. Но, значит, она красивая? Говорят, некрасивых девушек Тарас попросту не замечает. Наверное, даже о существовании их не знает, его взгляд на них не останавливается.

А у неё в голове чужие телефоны, дурацкие разговоры и грубоватые сторожа. Что ж так всё не вовремя?

Пока мужчины о чём-то легко переговаривались, Алё-

на повернулась к огромному зеркалу на стене, посмотрела на себя. Придирчиво. Выглядит неплохо, блузка без единого пятнышка и не мятая, не смотря на целый день, проведённый в офисе, причёска несколько небрежна, но волосы выющиеся, их достаточно лишь немного расчесать пальцами, чтобы они легли, как надо. И помада на губах смотрится свежо, будто только пару минут назад накрасила. Вот только взгляд... несколько тревожный и задумчивый. Пришлось моргнуть пару раз.

– Пойдём за стол. – Тарас обнял её за талию, отводя от зеркала. – Ты голодная?

Алёна без всякого сомнения кивнула.

– Да. – Может, хороший ужин поможет ей расслабиться?

– Вот и замечательно. Здесь отлично готовят.

Правда, за столом они оказались не одни. Алёна увидела уже знакомых ей по клубу приятелей Артюхова, в первый момент растерялась, но затем негромко поздоровалась. На неё кинули слегка удивлённые взгляды, после чего перестали с Тарасом, обменялись ухмылками, и на этом всё закончилось. За столом ещё две девушки присутствовали, и поэтому особо долго и всерьёз никто удивляться появлению Алёны не стал. А она села, минуту ко всем приглядывалась, при этом прислушиваясь к себе, но огорчения или досады не почувствовала, и больше обрадовалась принесённому меню, чем всему вечеру в целом и присутствию Тараса рядом. Чтобы как-то это изменить даже придвинулась

к нему, а тот, почувствовав её стремление быть ближе, снова обнял её за плечи.

Зато насчёт хорошей кухни Тарас не соврал. Алёна с удовольствием съела салат, заказала себе мясо по фирменному рецепту и даже десерт. В разговоре за столом не участвовала, на девушек внимания вообще не обращала, только время от времени улыбалась Тарасу, когда тот обращал к ней свой взгляд. А взгляд был весёлый. В какой-то момент он тоже обратил внимание на то, с каким аппетитом она ест, и, видимо, его это развеселило. А Алёна, вздохнув про себя, решила, что Артюхов к такому явно не привык. Все его предыдущие девушки были, наверняка, похожи на тех, что сидели сейчас напротив неё и с воодушевлением глядели на своих кавалеров, а не в тарелки с салатами. Правильно, в их салатах не было ничего интересного и воодушевляющего, кроме зелёных листьев и пары креветок. Зато девушки выглядели воздушными и мечтательными. На их месте Алёна наверняка мечтала бы о мясе. А вот она... в моменты волнения она ест больше, чем обычно. Хотя, и в обычных обстоятельствах она ест с отменным аппетитом, этого у неё не отнять.

– Что-то ты молчишь, золото моё, – сказал Тарас, наблюдая за ней. Девушки из-за их стола только что упорхнули по женским делам, и всё внимание мужчин сосредоточилось на ней.

– Говори, как есть, – попросила она. – Молчу и ем.

Мужчины разулыбались. А Тарас облокотился на спинку

маленького дивана, на котором они сидели.

– Кто тебя обидел?

– Никто. Меня не обидишь, я не обидчивая. – Алёна посмотрела на сидящих за столом мужчин, а потом взяла и спросила: – Ты в Марьяново ездил или нет?

Веселья у всех поубавилось. А Артюхов решил изобразить недоумение.

– В Марьяново? А тебя это почему так интересует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.